Сергей ВИКУЛОВ

СВЕЖИЕ ПЛАСТЫ

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО . 1964

В предлагаемых очерках С. Викулов, как и в своих стихах и поэмах, рассказывает о жизни деревни не с точки зрения стороннего наблюдателя, а глубоко заинтересованного человека, всем сердцем желающего ей скорейшего расцвета. В поле зрения автора самые острые проблемы сегодняшней деревни.

С чего нужно начинать? Как и что нужно делать, чтобы поставить на ноги отстающие колхозы?

Ответ на этот вопрос особенно интересен для тех, кто, как и герой одного из очерков А. И. Линьков, пришел сейчас в отстающий колхоз, чтобы возглавить борьбу за его подъем, для рядовых тружеников таких хозяйств, подчас утративших веру в успех дела.

В очерке «Дорогой ценой» писатель главное внимание сосредоточивает на стиле работы председателя колхоза. Тема этого очерка очень своевременна и актуальна. Ведь колхозы теперь крупные, вооруженные мощной техникой, и руководить ими старыми методами нельзя.

Сергей Васильевич Викулов

СВЕЖИЕ ПЛАСТЫ. Сев.-Зап. кн. изд., 1964. 80 стр.

Редактор *В. М. Малков.*

Обложка *Е. А. Букреева.*

ГЕ00630. Подписано к печати 24.11.64 г. Бумага 70×108 1/32.
Бум. л. 1,25. Печ. л. 3,42. Уч.-изд. л. 3.18.
Тираж 4000. Цена 10 коп. Заказ 6492.

Областная типография,
Вологда, ул. Калинина, 3.

ПОДНИМАЮЩИЕ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

I

СЕКРЕТАРЬ райкома ехал в колхоз «Россия». Машину хотя и подбрасывало, но не так, чтоб уж очень, и, держась за переднюю скобу, можно было даже о чем-то думать. Декабрь на дворе. Самая дорога! Ухабы сковало морозцем, в меру присыпало снежком — жми, хоть на все сорок!

Но Иван Григорьевич даже не замечал этой благодати. Думал о предстоящем разговоре с Линьковым — председателем «России»... Точнее — о продолжении разговора, начавшегося значительно раньше, в Москве, на зональном совещании передовиков сельского хозяйства. В памяти всплыл огромный зал Дворца спорта. На трибуне — председатель колхоза из соседней области. На вид — так себе мужичок, а дела геройские! Два отстающих колхоза поставил на ноги и сейчас... взялся за третий!

Восхищенные и удивленные услышанным, всей делегацией вышли на перекур. Встали в кружок — в людском водовороте старались держаться вместе — и он, секретарь райкома, сказал:

— А, может, и у нас храбрецы найдутся?

В делегации было несколько лучших председателей, и вопрос относился, в первую очередь, к ним.

Все молчали и сосредоточенно курили.

Первым отозвался Линьков. Пригладил ладонью непокорную русую прядь, сказал, блестя глазами:

— Можно, конечно, поднять и наши отстающие.

Кто-то, хмыкнув, с иронией спросил:

— И «Красное знамя» тоже?

— Может быть, и «Красное знамя» ... Надо посмотреть.

...«Может быть, и «Красное знамя»! Запомнились секретарю эти слова. И ехал он в «Россию» сейчас за тем, чтобы напомнить их Линькову, а, говоря прямо, предложить ему на деле доказать, что сказал он их не зря. Иван Григорьевич верил, верней, ему хотелось верить, что Линьков не откажется от своих слов, не струсит... Да и что ему трусить? За десять лет работы в колхозах, слава богу, повидал всего. И кто-кто, а уж он-то знает: самое трудное позади...

И все-таки секретарь боялся предстоящего разговора. А вдруг да... Ведь нелегкое дело, ох, нелегкое! И если даже он, Линьков, откажется, в общем-то, наверное, будет и прав. В самом деле: только-только в «России» дела пошли (колхоз дважды укрупнялся за счет безнадежно слабых соседей), полегче немного стало, дом свой купил, по-человечески жить начал... и — на тебе! Переезжать. Да еще в такую развалюху...

Секретарю райкома, если говорить по-честному, тоже не хотелось брать Линькова из «России», еще не известно, как там пойдут дела без него... Но другого выхода не было. Дулепову — нынешнего председателя «Красного знамени» — надо было менять и как можно скорее: не оправдала она надежд. Горько было сознавать это, обидно. Ведь не кто дру-

гой, как он, силой своего авторитета год назад навязал ее колхозникам. А впрочем-то, — оправдывался сейчас секретарь сам перед собой, — почему было и не рекомендовать Дулепову — агронома с большим практическим опытом, женщину скромную, не обремененную семьей?.. К тому же, нельзя было дальше оставлять во главе колхоза Рычкова, человека, попавшего под влияние рваческих элементов в колхозе и спившегося...

Да, трудное, очень трудное дело — кадры. Вот уж где, поистине, семь раз отмерь — один раз отрежь! Тот же Рычков... Человек с образованием. Хорошо показал себя на должности заместителя директора леспромхоза. И в колхоз пошел, так сказать, без особых уговоров. А вот — не устоял...

Иван Григорьевич вспомнил собрание, на котором снимали Рычкова и избирали Дулепову. Всех, кто не соглашался проголосовать за Дулепову, он считал собутыльниками Рычкова и даже грозил, что с ними разговор будет особый...

Виталий Белозеров, размахивая беспалой рукой, крикнул тогда:

— Нам надо председателя такого, как Лумумба!

В ту пору как раз много писалось о Лумумбе.

Да, изменило ему, секретарю, тогда чутье. И все потому, что не прислушался к гласу народному...

Судьбу Дулеповой решили женщины.

— Что это — все мужики да мужики... Посадим женщину! — кричали они. — Пить не будет — и то добро!

Но этого качества, увы, оказалось далеко недостаточно для того, чтобы справиться с нелегкой задачей. Колхоз вновь покатился вниз.

Райком делал все, чтобы спасти разваливавшееся на глазах хозяйство. В «Красном знамени» постоянно проживал представитель, на уборку урожая туда выезжало по 300 и более человек... Ничего не помогало. Шефы шли в поля, а колхозники — в лес, по грибы, по ягоды, или с бидоном в лесопункт — продать молочишка. Незнавшие положения дел горожане возмущались: мол, до чего ж бессовестный народ в этом колхозе! А между тем, этот «бессовестный» народ уже пять месяцев не получал зарплаты и на шестой месяц выдачи не предвиделось. Люди всеми правдами и неправдами раздували личное хозяйство, самовольно прибавляли лишние сотки к приусадебным участкам, сеяли на них зерновые, клевер, воровски косили и ставили стожки сена для личного скота, количество которого опять-таки недозволенно увеличивалось. А кое-кто, особенно молодые, подались в города.

Перед лицом таких трудностей Дулепова вконец растерялась, опустила руки; она избегала бывать в правлении, а говоря прямо, скрывалась от людей, от их требований, упреков, жалоб. Дошло до того, что мужики — даже члены правления — стали приходить в контору пьяными и, если заставали ее на месте, кричали, брали, что называется, за горло, требуя денег. А где она могла их взять — денег? На счету ни копейки, а долг по ссудам больше 100 тысяч рублей.

Занятый этими невеселыми воспоминаниями Иван Григорьевич и не заметил, как доехал, и с удивлением увидел, что дороге конец...

Линьков еще из окна узнал «газик» секретаря и вышел на крыльцо, чтобы встретить гостя. Иван Григорьевич вылез из машины, сухо поздоровался,

но в контору зайти не захотел. Направились вдоль улицы. Так, на ходу, — решил он, — легче будет разговаривать. Да и не хотелось, чтобы разговор состоялся при свидетелях.

Для того только, чтобы не молчать, спросил, сколько сдано льнотресты, каким номером?.. Потом поинтересовался надоями...

Линьков неожиданно перебил его:

— А ведь не за тем, вижу, приехал, Иван Григорьевич!

Секретарь остановился, поглядел ему в глаза, ответил:

— Верно, не за тем... И хорошо, что ты догадался. — Лицо его оживилось, он стал самим собой. — Давай, Александр Иванович, решай! Скажу прямо: можем послать и другого человека, но... получится ли? А надо, чтобы получилось наверняка! После двух провалов, в которых, конечно, виноват и я, экспериментировать с «Красным знаменем» больше нельзя.

Линьков понимал: секретарь был прав. Понятно было и его желание поставить, наконец, во главе «Красного знамени» настоящего руководителя и искупить тем самым хотя бы часть своей вины перед людьми.

В общем, разговор этот не был для Линькова неожиданным: он не сомневался, что секретарь помнит его слова насчет «Красного знамени», и был готов ко всему.

Прикурив новую папиросу (он очень много курил), сказал:

— Ладно. Я пойду... Но с условием, чтобы вместе со мной в «Красное знамя» перешел и бухгалтер «России» Анатолий Александрович Соколов.

Иван Григорьевич с силой пожал руку Линькова:

— Спасибо! Я так и думал... А насчет Соколова — не возражаю... Ты прав: в такой колхоз идти одному — рискованно. Я думаю даже, что одного Соколова мало. Уговорим кого-нибудь еще...

— Кого-нибудь не надо... А вот жен — надо бы! — улыбнулся Александр Иванович. — Прямо скажу, без вашей помощи не обойтись.

— Ничего... Нину Степановну я знаю и думаю, что сумею с ней договориться.

С женами, действительно, секретарь сумел договориться. А вот с колхозниками «России»... Не хотели, никак не хотели колхозники отпускать Линькова и Соколова.

В это же время, — что было весьма кстати, — заявил о своем желании перейти на работу в колхоз и сообщил об этом через газету секретарь райкома комсомола Николай Тугаринов. Переговорили с ним, условились, что он тоже пойдет в «Красное знамя» и возглавит там партийную организацию. Таким образом, ядро было сформировано: Линьков, Соколов, Тугаринов. К ним присоединились еще три-четыре комсомольца, в том числе инструктор райкома комсомола Э. А. Копытов, ставший впоследствии там председателем сельсовета.

Николая Тугаринова Линьков знал очень мало, но верил, что дело у него пойдет. Раз он работал секретарем райкома, значит, парень стоящий... Главной же надеждой и опорой своей он считал бухгалтера А. А. Соколова. Анатолий Александрович — опытный, умный экономист, много лет проработавший в МТС и РТС, а главное — инициативный, беспокойный человек, умеющий не только

считать, но и анализировать, изыскивать наивернейшие пути увеличения доходов. В общем, Соколов — бухгалтер, каких поискать! И Линьков знал, что с ним он не пропадет.

Работа в «России», рука об руку с Соколовым, вообще его многому научила! Здесь он почувствовал впервые свою зрелость как руководителя, впервые ощутил, что поднимать большое, но отстающее хозяйство не только трудно, а еще и интересно! Это уже не просто работа, служба — это вместе с тем и творчество! А творчество — оно всегда волнующе. И интересно поэтому!

II

ВСКОРЕ после Нового года Линьков приехал в Тотьму: надо было заглянуть в годоьые отчеты колхоза «Красное знамя» и побывать у стариков — его отец, ветфельдшер-пенсионер, и мать жили в деревне Исаково на территории «Красного знамени».

За 1961 год отчета из «Красного знамени» не было и, как Линькову сказали, не ожидается, так как учетность там совершенно запущена, и никто не умеет найти концы. Итоги же 1960 года, когда хозяйствовал Рычков, были таковы: общий доход — 251 тысяча рублей, в том числе от продажи леса — 92 тысячи. Почти половина дохода от леса! Поистине, не колхоз, а лесопункт! И не удивительно, что поголовье крупного рогатого скота за год сократилось на 12 процентов, а свиноферма ликвидирована. В полеводстве еще менее приглядная картина: урожайность зерновых — 2 центнера с гектара, а со 170 гектаров льна получен доход всего лишь 27 тысяч рублей...

Казалось бы, какие чувства, кроме уныния и страха, могли вызвать такие цифры? Но Линьков видел за ними другое — возможности! Есть над чем поработать, есть где разбежаться и сделать прыжок. В самом деле, в колхозе приличный скот (он знал это из рассказов отца), а надоено по 1600 килограммов от коровы, тогда как можно — вполне! — взять 2200—2300 килограммов, даже при имеющейся кормовой базе.

А земля? Полеводство? Лен, например? Да они ж, черти, и четвертой части не получают того, что может дать лен — единственная культура, за счет которой в условиях северо-запада может быстро разбогатеть любой колхоз, если как следует возьмется за ее возделывание!

Раздумывая об этом, Линьков ехал в Исаково, к родителям. Они, уже слышавшие о намерении сына перейти в «Красное знамя», встретили его вздохами и ахами, торопясь высказать все, что не давало им покоя, тревожило: мать да отец не пожелают сыну лиха...

Александра Степановна, собирая на стол, суетилась, роняла то ложку, то нож и говорила, говорила:

— Сам себе петлю на шею надеваешь, Шура! Мы с батьком оба занемогли из-за того, что ты согласился. Погляди, до чего там дожили... Молодые разбежались, а кто остался — на работу не идут. Корма не подвозятся, коровы иные уж и не встают, двор — того и гляди от рева обвалится. Господи, и что ты надумал! От добра добра не ищут.

— Да погоди ты, мать! — перебивал ее Иван Степанович. И, подавшись всем телом к сыну, говорил: — Вот что пойми, парень. Здесь уже было-

перебыло председателей — всяких! Ты — ровным счетом — двадцатый... Неужто думаешь, что до тебя все дураки были? Едва ли... Твое дело, конечно. Но я тебя должен предупредить: трудный колхоз, провалишься. Живу здесь — вижу... Бригады разбросаны, дорог — никаких. Чтобы перевезти в другое поле комбайн, например, его надо разобрать, погрузить на сани, а в сани запрячь два трактора. Да и то учти: два лесопункта рядом, и мужики, которые на самой поре — работают там. Вон, в Пустоши, было девяносто хозяйств, а теперь — тридцать. В колхозе работают 23 человека — женщины, в основном... А в Копоргино? Из восьмидесяти хозяйств осталось 14. Кто будет работать, подумай?

— Я уже подумал, батя, — спокойно, как будто все это не ему и говорилось, ответил Александр Иванович. И снова прикурил папиросу.

— Ну и что ты надумал, интересно?

— Надумал работать... в этом колхозе.

Старики молчали. Они глядели широко раскрытыми глазами на сына, и было в том взгляде удивление, недоумение и еще ожидание: ну говори, мол, говори, может, мы, действительно, устарели и уже чего-то такое проглядели, не понимаем...

И сын, выждав минуту, продолжал:

— Трудно будет — знаю. Но, во-первых, я иду сюда не один. Во-вторых, в «России» было не легче... И вообще, в хороший колхоз я бы не пошел. В нем все возможности исчерпаны, а тут... Тут еще ни одна вершина не покорена. Верно, не легко карабкаться в таких условиях вверх, но зато очень интересно!

— Ну, коли интересно — говорить не о чем, — словно сбросив с себя тяжелую ношу, встал из-за

стола Иван Степанович. — Интересно — давай! Не упади только...

...Через несколько дней состоялось отчетно-выборное собрание. Собственно, отчета никакого не было. И без того все понимали, что Дулепову надо менять: за год ее хозяйствования доход снизился на 86 тысяч рублей.

Против кандидатуры Линькова никто не возражал: слыхали, что возглавляемый им колхоз «Россия» на хорошем счету, да и, кроме того, отдавали должное его смелости — из хорошего колхоза добровольно пошел в отстающий.

Кто-то попросил рассказать биографию. Встал, моложавый, подтянутый, в зеленом диагоналевом френче, какие были в свое время в моде, коротко, почти в телеграфном стиле сказал:

— Родился в 1925 году. Был на фронте. По специальности — ветфельдшер. Работал заведующим зооветеринарным участком. В 1951 году был выдвинут председателем колхоза. Через три года уехал на учебу в Вологодскую сельскохозяйственную школу. Закончил ее и получил звание младшего агронома. Около года состоял инструктором при райкоме КПСС. В 1957 году был снова направлен председателем того же колхоза, из которого ушел на учебу. Обстановка к тому времени резко изменилась. Работать стало легче, интереснее. Дела шли хорошо. В 1959 году наш колхоз дважды укрупнился за счет отстающих колхозов, поборол отставание и снова крепко встал на ноги... — Помолчал немного. С улыбкой добавил: — Из колхоза «Россия» меня не гнали. Мне нравилось там работать. К вам иду по доброй воле. Если окажете доверие и изберете — работать буду.

Проголосовали дружно. А потом, с задних рядов, кто-то спросил:

— Интересно, как товарищ Линьков будет поднимать наш колхоз?

— Если кто-то думает, что колхоз будет поднимать Линьков, он глубоко ошибается. Поднимать будем все вместе. Линьков волшебной палочки с собой не привез. Запомните это.

— Мы уже поднимали, да и устали.

— Знаю, что вы за пять месяцев не рассчитаны. Это никуда не годится. В ближайшие дни мы всех рассчитаем и будем выдавать зарплату ежемесячно.

— Ха-ха!.. — зал буквально ухнул после этих слов. Не поверили.

— Где найдет председатель деньги?

— Деньги найдем внутри хозяйства... Если все вместе и хорошо поищем.

— Лес надо продавать! — сразу в несколько голосов ответил зал.

— Нет, лес рубить и продавать не будем. Это неверный путь.

Гул недовольства прокатился по залу. «Лесорубы» выкрикивали:

— Посмотрим, где найдете деньги...

— Задаром — хватит — поработали!

— Нам не обещания — деньги нужны за выполненные работы.

«Да, с этими будет нелегко», — подумал Линьков. И вслух сказал:

— Наше богатство — земля. И думать нам надо не о лесе, а о земле, о том, чем ее удобрить да какими культурами засеять, как вырастить высокий урожай...

* * *

Ночевал Александр Иванович у стариков. Ворочался с боку на бок, старался заснуть — и не мог. Не спали и старики. Он думал о предстоящих делах, — они о нем, с тревогой и жалостью. Под утро первой поднялась Александра Степановна, нащепала лучинок, поставила самовар. В трубе загудело — тяга была хорошая, — и это напомнило Александру Ивановичу что-то знакомое, родное, и успокоило, настроило на веселый лад. Он поднялся тоже, шумно умылся, с кряканьем утерся, делая вид, что отлично выспался и бодро настроен.

А настроение у него и в самом деле было хорошее. Он знал, что и как надо делать, и не спалось ему не столько от тревоги, сколько от нетерпения, сейчас же, немедленно, засучив рукава, вступить в рукопашную с трудностями и побороть их, победить!

Думая об этом, он снова и снова радовался тому, что перед лицом этих трудностей уже и сейчас он не один, что потом, конечно, будет у него много надежных друзей, верных помощников, а сейчас есть Соколов и Тугаринов! Для начала это немало!

До деревни Федотово, где контора колхоза, минут сорок ходьбы. Размещалась контора в старой избе, отличавшейся от других разве что более жалким видом. На ней даже вывески не было... Да и то — не в вывеске дело, и не в том, как выглядит контора. Штабы наступавших армий порою ютились в землянках, а города все-таки брали! Сравнение такое пришло ему на ум не случайно: и в самом деле, хотелось, чтобы эта избушка с сегодняшнего же утра стала штабом, уверенно осуществляющим руководство армией, которую после панического отступления нужно привести в боевой порядок, все-

лить в сердца солдат уверенность в успехе и повести их в наступление.

Соколову и Тугаринову в первое утро тоже не спалось. Они уже были в конторе и успели растопить печку.

— Так что же, друзья, за дело? — спросил Линьков, погрев у огонька руки.

— Да, надо начинать, — ответил, как всегда спокойно и уверенно, Анатолий Александрович.

— Возражений нет! — в шутку подтвердил Николай Тугаринов.

— Так с чего же начнем?..

II

ХОРОШЕЕ это было утро. Жарко топилась печь; в ее утробе, как полотнище на ветру, билось пламя, ружейно стреляли поленья.

Александр Иванович сидел напротив раскрытой дверцы с железякой, загнутой на конце, и время от времени пошевеливал ею в печке, прислушиваясь к голосам собеседников.

Разговор шел о деньгах. Деньги, деньги... Начало всех начал. Вопрос вопросов. Где их взять? Попросить ссуду? Нет, и так уже более 100 тысяч забрано... Есть другой выход: взять аванс у заготовительных организаций под лен, молоко, мясо...

Подбросив в печку березовых поленьев, которые сразу жарко вспыхнули и осветили комнату, Линьков сказал:

— Возьмем! В конце-концов, деньги делают деньги! В «России», по крайней мере, было так... Конечно, риск в этом есть. Деньги можно взять, бросить, как вот эти дрова, в общественный костер,

малость согреться, а каши не сварить. Тут уж все будет зависеть от нас... Как сумеем распорядиться...

— Бригады надо укрепить, — вставил Соколов. — Поприглядеться к бригадирам... Хозрасчет введем — все будет зависеть от них. А тут, слышно, кумовство процветает...

— Да, да... — улыбнулся Линьков: — Про старика одного рассказывали: ни в чем ему отказу нет от бригадира!.. А почему? Бригадир еще и ногу через порог не переставит, а он уже открывает шкафчик, стаканчиком побрякивает... Во время сенокоса бригадиру этому и совсем лафа! С утра оседлает лошаденку — съездить кое-куда, да не тут-то было... В дом, один за другим, — отпускники: за папу, за маму порадеть... Час проходит, другой... Лошаденка бьется, бедная, на оводах... А в доме уже седьмой раз «шумел камыш» запевают...

Посмеялись. А потом Линьков же предложил:

— Ты прав, Анатолий Александрович: от бригадиров будет зависеть многое. Надо приучить их работать творчески, с перспективой, а для этого необходимо отказаться от мелочной опеки, предоставить им большую самостоятельность... В общем, у бригадиров должен быть авторитет: и помочь им в этом деле должны все мы.

— Главное, надо научить их вести учет! — добавил Соколов.

— Согласен, Анатолий Александрович. Это уже твое дело. Учет — зеркало. А в зеркало полезно заглядывать каждый день.

Это была любимая фраза Линькова. Сегодня он еще добавил:

— Всякое производство начинается с организации производства...

— Да, но ведь производство существует не само по себе, — вставил словцо Тугаринов, цыгановатый, с зачесанными челкой волосами «комсомоленок». — Производство — это люди. И успех дела будет зависеть, в конце-концов, от них.

— Верно, — согласился Линьков. — А раз так, надо расшевелить народ, поднять его дух, разбудить инициативу. В первую очередь это относится к вам, Николай Симонович. Сумеете сплотить коммунистов, сделать их опорой во всех начинаниях — выиграем.

Верно, после стольких лет неудач поднять народ будет не просто. Рассчитывать в этом деле на убеждение — и только на убеждение — сверхсамонадеянно. Слова — словами, а людям надо платить за труд. Причем, платить тем больше, чем больше произведено продукции, то есть ввести в действие принцип материальной заинтересованности. Так и только так можно будет повернуть лицом к колхозу тех, кто махнул на него рукой, кто делает ставку на личное хозяйство и выходит на работу постольку, поскольку дорожит приусадебным участком.

...В печке, наконец, догорела последняя головешка. Линьков поднялся и увидел, что за окнами заметно посветлело. В контору пришли счетоводы, потом, один по одному, бригадиры, тракторист в замазанных автолом валенках, и еще человек пять-шесть, не столько по делу, сколько из любопытства, из желания поприсмотреться к новым руководителям. Входили, присаживались у дверей, подвернув под себя одну ногу, доставали железные кисеты-коробочки из-под леденцов — уже вытершиеся и бесцветные — кто круглую, кто квадратную и, по-

ложив их на колени, открывали крышки, извлекали сложенные гармошками районные газеты и не спеша вертели цигарки. Вид у всех деловой, уши у шапок трепыхаются, говорят горячо, размахивая руками, иногда даже вставая, и очень правильно говорят, только... делать не спешат. Одиннадцатый час, а народу в конторе не убывает. Разговор не утихает. И все о том же: кому ехать за сеном, кому навоз вывозить и на чем... Зоотехника да агронома отослали разыскивать кормовозов, те ушли и почему-то долго не возвращались... Бригадиры ждали, как выяснилось потом, наряда от председателя. У них так было заведено — получать наряд ежедневно.

«Нет, так дело не пойдет!» — подумал про себя Линьков и, дабы положить конец пустопорожним разговорам, строго сказал:

— А не лучше ли будет, если каждый из вас сейчас пойдет и займется своим делом? — И, чтобы дать понять, что разговор закончен, встал и, пригласив с собой Тугаринова, вышел. Все равно серьезного разговора не получалось. А им еще надо было познакомиться с хозяйством.

В этот же вечер из уст в уста по деревням передавалось, как председатель «прогнал»(!) из конторы бездельничавших до полудня мужиков-табакуров. Это была первая, но не последняя новость, вынесенная из неказистой избушки, именуемой конторой.

Вскоре все говорили о том, что бригадиром второй вместо Белозерова назначен зоотехник П. А. Абросимов. Белозеров якобы сам отказался от бригадирства. Работал, мол, и председателем когда-то — что верно то верно. Но времена меняются. Теперь и бригада крупнее бывшего колхоза, и техники всякой прибавилось. Знаний же не прибавилось: все те

же четыре класса. Руководить поэтому он не может. Лучше будет коров пасти. И действительно, пошел пастухом.

Вслед за ним подал заявление об освобождении от должности бригадира третьей К. В. Федотовский. Он тоже когда-то в председателях ходил, хотя и окончил всего один класс. А теперь... теперь ему ужасно нездоровилось. Вместо себя он назвал Н. И. Конева — коммуниста, тоже бывшего председателя колхоза («Тут что ни мужик — то бывший председатель», — сказали по этому поводу Линькову. Выходило, что так...). Образование у Конева тоже низшее, но... выбирать было не из кого. Согласились.

А дальше — и пошло, и пошло. Деревни буквально гудели от судов-пересудов.

— Прихожу, матушка ты моя, в правление, говорю: отпустите денька на три, к дочке, говорю, съездить надоть. А он, Линьков-то, и говорит: к бригадиру идите. Отпустит, дескать, бригадир, значит, все — поезжайте. — Баба хлопает себя по подолу: — Еще не легче! К бригадиру. А председатель на что?

— И меня к бригадиру прогнал, милая. А и всего-то лошади просила дров привезти.

На другой день еще более ошеломляющая новость: приглашают деньги получать. Явились за трудовыми, а там разговор: отпуска всем будут давать! Пятнадцать дней каждому, кто выработал минимум человеко-дней (мужчины — 250, женщины — 220). И по бюллетеню будут платить: девяносто процентов от заработка. И пенсии престарелым назначили, тем, у которых нет в городах сыновей да дочерей, по 7 рублей 50 копеек в месяц.

Вести эти конечно же окрыляли! Впервые за много лет руководители колхоза говорили людям не только «Давай!», но и громко: «На!» «На, получай — и заработанные деньги, и отпуск, и пенсию, и дополнительную оплату... И спасибо тебе за честный труд на благо колхоза!».

Зато следующая новость... Не по нутру пришлась она особенно тем, у кого приусадебный участок был за 30, а то и за 40 соток, поскольку с весны он должен был убавиться до 25 соток. А у кого в семье кто-либо работает на производстве — до 15 соток.

Уставом сельхозартели, разработанным новым правлением, запрещалось также держать лишний скот, сеять на приусадебных участках зерновые и клевера. Зерновые, как объяснил председатель, дело трудоемкое, а во-вторых, с десятка-другого снопиков, выросших на «своем поле», у многих намолачивается баснословно высокий урожай. То же самое наблюдалось и с клеверами. Как говорится, не пойман — не вор. Но все-таки: с чистой совестью жить будет легче.

Много разговоров было у доярок по поводу очередного требования правления — доить коров три раза в день. Дело в том, что достигнутые к этому времени доярками результаты (по 1500—1600 литров от коровы) считались здесь чуть ли не рекордными, поскольку больше 600—700 литров от коровы тут от века не надаивали. Да и не стремились. От 3—4 коров, а иногда и 7, молока и так хватало. Нужен был навоз! Без него здешняя земля не родила. Поэтому коров этих так и называли: навозницы.

Линькову пришлось немало попортить нервов, дояркам, чтобы заставить, наконец, доить коров три раза в день. Помогли специалисты. Им раз и

навсегда было наказано заниматься прямыми обязанностями, учить доярок. На всех фермах провели контрольные дойки. Было доказано, что трехкратное доение дает значительную прибавку молока. И если кто-то после этого все же продолжал упрямиться — за недополученное молоко платил из своего кармана. Помогло! Удои стали неуклонно повышаться. Разумеется, не только за счет трехкратной дойки, а и лучшего кормления, соблюдения распорядка дня, организации прогулок животных, за счет, наконец, более внимательного отношения к дояркам со стороны руководства. За каждой фермой был закреплен один из членов партбюро: А. Линьков — за Кормакинской, А. Соколов — за Федотовской, Н. Тугаринов — за Пустошской, председатель сельсовета Э. Копытов — за Копоргинской. Первое время все они бывали на фермах ежедневно!

Домик без вывески в центре деревни Федотово и в самом деле стал боевым штабом. Напряжение перестройки, ломки старого и утверждения нового, захватило всех. Собственно, к этому и стремился штаб — правление и партбюро, действовавшие заодно, в полном контакте.

— Когда рота пошла в атаку, должен подняться каждый солдат! — сказал по этому поводу А. И. Линьков на очередном заседании партбюро. — Мы сможем добиться этого, если всегда будем с народом. Замкнемся в себе — провалим дело... У нас разработаны хорошие планы — Анатолий Александрович постарался... Но если эти планы останутся только в наших головах — грош им цена. Исполнитель планов — рабочий человек. Ему надо знать, что он должен делать сегодня, завтра, послезавтра, и сколько ему за это причитается.

С действиями правления можно было соглашаться и не соглашаться, но «отсидеться в окопе» было нельзя. Долг, совесть, партийная дисциплина каждый день вели по всем тропинкам людей к правлению.

Короче говоря, все почувствовали: в колхозе есть хозяин — строгий, требовательный. И это вселяло в сердца надежду, уверенность, и придавало сил, и поторапливало, и веселило. Люди не могли не увидеть и не оценить работоспособности, серьезности, с какими взялись за дела новые руководители колхоза. Первые полтора месяца в конторе ежедневно что-нибудь происходило. То заседание правления с привлечением широкого круга людей, от которых зависит решение обсуждаемого вопроса, то заседание партбюро с повесткой «О личной ответственности коммунистов за порученный участок работы», то занятие экономического кружка, то совещание животноводов по итогам за месяц...

Рассказывая о том времени, Александр Иванович выразился так: «Это была езда на натянутых вожжах». Очень точно сказано! В самом деле, отпусти вожжи, да зазевайся — и хорошая лошадь может увезти не туда, куда ты едешь, да еще запутается и станет совсем...

III

ПЕРВЫЕ полтора месяца Линьков жил в доме отца, без семьи. Он сильно похудел, на запавших щеках резко обозначились две складки, лишь глаза горели по-прежнему.

Возвращался он поздно, уставший. А спал все равно плохо: все думал, думал... А подумать было о чем...

Убивало равнодушие людей к общественному добру, удивляла бесхозяйственность, ставшая привычкой. В глубине души у многих все еще жило такое: мое — это мое, а колхозное — это колхозное. И дело тут, конечно, не только в том, что пережитки «проклятого прошлого» очень живучи в сознании людей...

В первые дни, знакомясь с хозяйством, набрел на комбайн. Как притащили его в распутицу — так и бросили. Вмерз он резиновыми колесами в грязь почти по ступицы, засыпало его на три метра снегом. Пришлось машину буквально вырубать из застывшей грязи, как вырубают мамонта из вечной мерзлоты.

А телеги... Где распрягли последний раз — там и оставили. Раньше, — рассказывали старики, — одних колес хватало на несколько лет, поскольку хранили, а теперь — что ни весна, то новый подавай.

Да и только ли телеги. Сеялки, диски, бороны — все под открытым небом.

«Что же получается? — думал Линьков. — Не берегут колхозное, значит, не надеются на колхоз. Но на что же они тогда надеются? На личное хозяйство!».

Вот он — узелок, который во что бы то ни стало нужно разрубить! В самом деле, что получается: глядя только в свой огород, заботясь только о своей буренке, люди не очень торопятся в колхозное поле... Кроме того, они не прочь подобрать «что худо лежит» — в хозяйстве все пригодится. Таскают во двор охапками траву, снопиками — ленок...

Кстати, о льне. Здесь у многих женщин еще сохранились кросна. Не только из любви к древнему ремеслу, ясно. Выткав и продав десяток полович-

ков, — в накладе не останешься. Но ведь чтобы выткать, нужен лен, не только тряпки.

Так вот о льне. Как-то шел председатель околицей и увидел: трактористы ремонтируют трактор. У обоих под колени брошены... снопики льна. А в ту пору как раз льнотресту сдавать начали. И принимал ее завод третьим номером, по 73 копейки за килограмм. Это ж богатство!

Подошел Линьков к трактористам и сказал:

— А деньги-то, ребята, надо все-таки подбирать. Что ж вы их в грязь затаптываете?

— Где? — не поняв намека председателя, оглянулись трактористы.

— Да вот же! — Он поднял снопик. — Два рубля с полтиной, если считать, что вес снопика три-три с половиной килограмма.

— Да, ну-у... — обиженно протянули парни. — Не каждый же сноп...

— Почему не каждый? — Он достал записную книжицу, зачитал: — 23 сентября третья бригада сдала 4860 килограммов тресты и всю по 73 копейки за килограмм.

Этот разговор быстро разнесся по колхозу. Вывод из него сделали в первую голову те, кто вновь собирался ставить кросна. «Уж если он трактористов не похвалил, то что скажет нам, коли узнает, что взяли снопик-другой...»

А дня через четыре женщины, которые поднимали лен со стлища, взволнованные, прибежали в правление и, положив три снопа на стол председателя, зашумели:

— Александр Иванович! Подумать только — на дороге валялись! Это так шоферы наш лен возят. Принимайте меры!

Ох, как обрадовала председателя эта жалоба! Подобрали — значит, берегут, значит, поняли!

Но в эти же дни случилось такое. Пастух Виталий Пятушин погнал стадо на клеверную отаву. Председатель увидел, предупредил: смотри, зазеваешься — объедятся коровы — беды не миновать. Знал об этом и сам Пятушин: не с неба свалился. И все-таки коров на отаву пустил...

А на другой день Линькову доложили: пали три коровы. Весть эта, как ножом, полоснула по сердцу. Снова равнодушие и, как следствие, — преступная халатность. Нет, это нельзя оставить так! Вместе с парторгом прибыли на место происшествия. Увидев их, подошли доярки, потом явился и сам виновник.

— Как же это ты... просмотрел? — едва сдерживаясь, спросил Линьков.

Простоватый Пятушин, с выбившимся из-под шапки белыми волосами, вытаращил глаза:

— Так ведь животина! Не спросишь, мало ли, много съела... — Он явно надеялся, что председатель пошумит — так бывало всегда — и делу конец. Но председатель не «шумел». Он спокойно сказал:

— Будешь платить, Пятушин...

— Александр Иванович! Да ить... Да где мне столько денег взять?! Только что домишко поставил — вот как поиздержался!

— Ну, об этом ты суду расскажешь...

Когда уже отошли, парторг сказал, что, может быть, не следовало так... сурово?

Линьков ответил:

— Может быть... Но прощать такое мы не имеем права. Надо дать понять всем, что колхозное отныне будет защищаться со всей строгостью закона!

* * *

Была в психологии деревенского жителя этакая черта, суть которой наиболее полно, пожалуй, выражала пословица: «Пока гром не грянет — мужик не перекрестится». Сам темп жизни старой деревни — медлительный, размеренный — способствовал формированию такой черты. Правда, сейчас деревня уже не та, но привычка, унаследованная от предков, все еще жива! Не из-за нее ли пострадал Пятушин? Из-за нее... Да что Пятушин. Бригадиры — и те еще работают порой по пословице «Пока гром не грянет»...

Надо было, например, картошку проборонить Николаю Ильичу Коневу — бригадиру третьей, и председатель напоминал: «Надо!», а он все откладывал: «Успеется, не горит»... А когда спохватился, сорняки вымахали такие, что и ботвы не видать. Окучил кое-как... Вместе с дурью. Ну, а что выросло? Ничего. 58 центнеров с гектара. Разве это урожай? А между тем, сам председатель на этой же земле со своего личного участка собрал в пересчете на гектар 150 центнеров! Конев, когда бы не этот очевидный факт, все свалил бы на землю: не удобрена! Но земля сама доказала: не виновата... Проборонил бы бригадир вовремя — и все, картошки б наросло.

Линьков беспощаден: напоминает бригадиру об этом случае всякий раз, не щадит самолюбия. Знает: грому надо греметь! Да почаще, чтобы не повторялось такое.

И гром гремит:

— Павел Алексеевич! — навалился как-то председатель на Абросимова — бригадира второй. — Вы же зоотехник по специальности. Кому, как не вам,

внедрять новшества в животноводстве? Дрожжевание соломы, обогащение кормов мочевиной... И материалы, и люди — все есть. А дела — нет. Тяжелый вы человек, Павел Алексеевич, когда надо внедрять новое!

«Перекрестишься» при таком громе!..

А через неделю, уже над головами всех вместе, новый раскат грома:

— Вы — бригадиры! Крупные хозяйственники! И деньги считать должны не только в собственном кармане. Надо учиться экономить, экономить на всем! Даете наряд — подумайте, выгодно это или невыгодно, и нельзя ли сделать дешевле? Задавайте себе этот вопрос всегда и станете иначе смотреть на передовой опыт и во всем преуспеете!

На недавнем партийном собрании Линьков выдвинул новую идею: создать в колхозе механизированные звенья по примеру звена Хорева из Бабаевского производственного управления, об опыте работы которого рассказала накануне областная газета. Абросимов выступил первым в поддержку этого предложения:

— Как у нас работают механизаторы? — спрашивал он. И отвечал: — А вот как: все гонятся только за гектарами мягкой пахоты. Посылай, кажется, пахать сейчас, зимой — поедут! Зато сеять никто не хочет: «Кто-то напахал, наворочал, а мне сеять?» Вот он — корень зла! И в результате: гектары есть, а урожая нет. Станут работать звеном, безобразия такого не будет...

Линьков слушал, радовался: понял человек...

Но разговор о звеньях на этом собрании возник попутно. Собрание было посвящено обсуждению решений декабрьского Пленума ЦК КПСС, на котором

впервые было произнесено: «Коммунизм — есть советская власть, плюс электрификация всей страны, плюс химизация народного хозяйства».

Химизация... Это значит — и удобрения для полей. Линьков, которому вообще присуще чувство нового, заинтересованно и горячо говорил о химии, которая вот-вот должна решительно постучаться в колхозные ворота.

— Научиться распознавать ее в лицо — вот наша задача! — говорил он. — Бригадиры и учетчики должны уметь определять виды удобрений, знать их свойства, дозы и сроки внесения.

Обращаясь к агроному, добавил:

— Нам надо также изучить, наконец, свою землю! Работать вслепую на земле — позор! Ведь было же такое: вносим под лен аммиачную селитру — и лен полегает, гниет, потому что нужны ему не селитра, а фосфор и калий...

В общем, в отношении химии в душе председателя живет не только радость, но и большая тревога. Казалось бы, не такое уж новое это дело — химия. Слыхали. Видали. В поля даже иногда вывозили... Верно, вывозили. Но больше все-таки губили. И не удивительно: ни складов, ни навесов. Да и веры в эти «порошки» было маловато. Навоз — это да!

Вспоминалось, как года два назад в Белозерском районе мне показали поле пшеницы, которое бригадир не захотел подкормить удобрением, не веря в него, а агроном, чтобы доказать упрямцу, что он не прав, удобрение все-таки внес, да не сплошь, а выписав на поле буквы, из которых складывались слова: «Шишкин дурак». Едва пшеница поднялась, как надпись эта выделилась темно-зеленым цве-

том. Люди хохотали, бригадир злился. Но что он мог поделать: против факта не попрешь.

Вся сложность в том, что подобных Шишкиных еще и сегодня много. Есть они даже и среди председателей. Еще вчера не просто было найти колхоз, в котором был бы склад, или хотя бы навес для хранения удобрений. Да что колхоз! Посмотрите, что делается на железнодорожных станциях, пристанях — и вы убедитесь, что Шишкиных и там предостаточно. В Тотьме, например, нет даже причала, к которому могли бы подойти баржи с удобрениями, они тычутся в берег, и люди выгребают из трюмов груз самым первобытным способом. Сколько его потом уносит водой — одному аллаху ведомо. Нет там ни конвейера, чтобы разгрузить — погрузить, ни автовесов, чтобы взвесить. Удобрения отпускаются на глазок, ящиком...

— Нет, товарищи, так дело не пойдет! — рассказав обо всем этом, решительно заявил Линьков, имея в виду «товарищей» из «Сельхозтехники». — Мы деньги на ветер бросать больше не собираемся. Тонна аммиачной селитры стоит 56 рублей! Нам, чтобы купить ее да погрузить, да привезти, потребуется продать тонну ржи. Рожь, как известно, ящиками не меряют, будьте добры и удобрения взвесить!

Этот высокий тон, твердость Линькова в разговоре об удобрениях были вполне понятны. Дело в том, что он от имени правления и партбюро на недавнем колхозном собрании заявил: резервы, имевшиеся в животноводстве, за два года максимально использованы. 2215 килограммов молока от коровы, полученные в 1963 году, — это потолок, соответствующий имеющейся кормовой базе. Чтобы сде-

лать следующий скачок, нужно прежде двинуть вперед полеводство, которое даст фураж, корма, а также деньги (лен, конечно!) на строительство помещений для скота. Поэтому колхозу нужно: в животноводстве — закрепиться на достигнутом уровне, в полеводстве — всем плечом навалиться на зерновое хозяйство и лен.

Навалиться всем плечом — это значит, в первую очередь, удобрить землю. Вот почему так требовательно говорил Линьков о минеральных удобрениях. А в общем-то, он отлично понимает, что в нынешнем году, да и в следующем, пожалуй, сюда, на северо-запад, удобрений попадет не так уж много, и потому не сидит сложа руки, а делает все, чтобы полностью использовать местные удобрения. Сейчас в колхозе идет сбор золы: почвы — кислые, поля заросли щавелем, и зола им крайне необходима, особенно на участках, отведенных под лен. С помощью лесопунктов (там столько сжигается порубочных остатков!) предполагается собрать 20—25 тонн золы.

Одновременно вывозится навоз. Легко сказать: вывозится... А между тем, в этих словах одна из труднейших и неразрешенных пока проблем современной деревни. Нельзя сказать, что и не пытались ее разрешить. Совсем недавно какой-то возвышенно настроенный фантазер изобрел подвесные дорожки для скотных дворов. Здóрово придумал! — И главное — красиво! Вот корова, вот навоз, вот подвесная тележка... Доярка в белом халате (да, да — в белом, и только в белом! Этого требует и Вологодское общество Красного Креста, плакаты которого висят на всех дворах), доярка берет навоз на лопату и — р-раз его в тележку! Все. Можно везти.

«А куда?» За ворота, конечно. «А дальше? Дальше куда?». Не спрашивайте: на это у изобретателя фантазии не хватило. И вот за воротами вырастают навозные хребты и пики. Кто хоть раз бывал в деревне — видел их.

В «Красном знамени» в эти дни женщины ломами, топорами и лопатами крушили эти хребты, словно руду добывали, а не навоз! Вырубленные глыбы наваливали на дровни и везли в поле. Какой будет толк от такого навоза, — те, кто живет в деревне, знают.

В общем, проблема эта остается проблемой. А ведь председателю надо еще думать о навозо-земляных и торфо-навозных компостах. Чем их делать? Как их разбрасывать? Лопатой? Нет, лопатой сделать это деревне не под силу.

Пока же Линьков приказал разломать подвесную дорожку, дабы не мешала въезжать во двор на лошадях (за навозом, конечно). Не оправдала себя подвесная дорожка. Так же, как и автопоилки... Красивые на плакатах, во дворах они вскоре проржавели и были почти всюду заменены деревянными лотками. Не так красиво, но зато надежно и элементарно просто.

* * *

С первых же дней Линьков остро почувствовал главную беду — недостаток людей в колхозе, особенно молодежи. Шура Брагина — зоотехник — сказала как-то ему:

— Эх, Александр Иванович! Прийти бы вам сюда на годик раньше... Молодежи было! — И вздохнула, как о чем-то очень светлом и — увы — невозвратном.

— Да, хорошо бы, конечно, прийти тогда. Но все равно: работать надо...

Вместе с Шурой они подыскивают подменных доярок на фермы — и не могут найти. А надо: не вечно же дояркам без выходных дней работать!

Кормакинскую ферму могла бы выручить Ираида Исаковская — женщина еще не старая, но не хочет, да и только... Такой уж у нее характер: коли задумает что — ни в жизнь не отступит. Бывало, работает вместе со всеми, лен расстилает или там картофель убирает, и вдруг распрямится и скажет: «Хватит. Я пошла». Учетчица Лида Даниловская к ней: «Да что ты, Ираида! Погоди немного — закончим, вместе пойдем». Нет, даже не оглянется. Женщины разозлятся, бывало, — и тоже по домам...

Вот какая она — Ираида — одна из очень немногих, к кому Линьков, как он выразился сам, за два года не смог подобрать ключей. Николай Мельников еще такой же, пожалуй... Так тот больной все-таки. Попросишь помочь в чем-нибудь — у него один ответ: «Так ить у меня все нутренности вырезаны!.. Во, погляди...» — И подымет рубашку, и покажет шов. Махнешь рукой: ладно... Ну, а Ираида-то ведь здорова и семьей не обременена. Однако работает по настроению. Минимума даже не выработала!

Да, не смог Линьков переломить Ираиду. А уж он ли не умеет делать это. Насквозь всякого человека видит. Иной удивляется даже: «Придешь в правление, еще и слова не скажешь, а он уже угадал, зачем ты пришел».

«Ну, что ж, попробуем еще так», — решил Линьков, раздумывая об Исаковской накануне отчетного собрания.

И вот собрание. Он сообщает: Ираида Исаковская работала в течение года меньше, чем все, поэтому и получить она должна меньше. Правление решило удержать с нее десять процентов из дополнительной оплаты и лишить трудового отпуска, как это записано в Уставе колхоза.

Ох, как задело это Ираиду! Вскочила, крикнула:

— Берите все, берите! Может, разбогатеете за мой счет!

Линьков спокойно ответил:

— Ни за чей счет, Ираида, богатеть я не собираюсь. Богатеть будет колхоз. И опять-таки не за ваш счет — за счет честного труда каждого. Этого мы и требуем от вас.

И вслед за этим, отозвавшись с похвалой о лучших тружениках, зачитал решение правления о премировании ценными подарками почти семидесяти человек. Среди премированных было имя и Анны Пятушиной, Парменовны, как ее звали все в колхозе. Ох, пришлось тоже повоевать за нее Линькову! Она, как никто другой, за многие годы разуверилась в председателях и на каждого нового смотрела как на пьяницу и временщика, которому лишь бы отбыть свой срок. Жила она бедно. И, стараясь вырваться из нужды, все дальше отходила от колхоза, надеясь только на свою силу да изворотливость. Говорили, что она ночами потаскивает траву для коровы... да и не только траву: иначе не стучали бы в доме ее кросна. Злая, взвинченная до предела, она безо всякого приглашения пришла на первое заседание правления с явным намерением поглядеть, чего они стоят — новые руководители, и заодно выложить им все, что наболело.

Знакомство, в общем-то, было не из приятных. О чем бы ни начался разговор, а баба о себе, о своих обидах, с криком, со слезами.

Прошло немало дней, прежде чем Парменовна «перестроилась» и стала работать — жадно, неистово. Поверила!

И вот она выходит к столу президиума, высокая, нескладная, заметно ссутулившаяся от нелегкой бабьей доли — войну пережила, мужа потеряла — выходит и, почти по-детски улыбаясь, принимает из рук председателя отрез на платье. Потом поворачивается к залу и кричит, потрясая подарком, в сторону Ираиды Исаковской:

— Гляди, Ираида! На следующем собрании тебе получать придется. Это уж точно!

Зал грохнул дружным смехом. Все понимали, что имеет в виду Парменовна. А Линьков сказал:

— Да, товарищи! Мы крепко критиковали Анну Парменовну год назад. И, как видите, помогло: она стала ударницей. Надеемся, что и Ираида Исаковская последует ее примеру.

Ираида наклонила ниже голову и взялась за кончик платка...

Линьков сделал вид, что не заметил слез Ираиды, и продолжал, не глядя на нее:

— Да мало ли у нас женщин, с которых можно брать пример! Мария Ивановна Федотовская... — Зал ударил в ладоши. — Ей давно за пятьдесят пять. В таком возрасте большинство женщин уже не работает. А она — доит коров. И почти не уступает в своем деле нашим лучшим дояркам Вере Николаевне Колычевой и Августе Дмитриевне Малевинской. Спасибо вам, Мария Ивановна, за ваш героический труд!

Теперь в зале плакали две женщины.

Все это произошло в январе 1964 года, на собрании, которое подводило итог двухгодичному хозяйствованию правления колхоза, возглавляемого А. И. Линьковым. Собрание называлось отчетно-выборным, но ни у кого даже мысли не было о переизбрании Линькова... Больше того, вздумал бы кто-нибудь отобрать его — не отдали бы! Ведь это с ним, с Линьковым, они распрямились во весь рост и сделали решительный шаг вперед. Надой на фуражную корову увеличился с 1573 до 2215 килограммов. От животноводства в целом колхоз получил доход в два раза больше. Общий же доход колхоза вырос со 165 тысяч до 285 тысяч рублей!

За два года куплено пять тракторов, четыре зерновых комбайна, два силосоуборочных, одна автомашина и две сложных зерноочистительных машины.

Построен механизированный ток, электростанция, достраиваются скотный двор и клуб, установлена автоматическая телефонная станция, два скотных двора оборудованы механическими доильными установками.

Выросли заработки колхозников: стоимость человеко-дня увеличилась на 2 рубля 10 копеек.

За высокие показатели по производству и продаже государству молока и мяса колхоз «Красное знамя» и за 1962 и за 1963 годы награжден переходящими Красными знаменами обкома и облисполкома.

Ох, как хлопали в ладоши механизаторы, как лучились радостью и счастьем помолодевшие очи доярок, когда Линьков — их вожак — принимал Красное знамя в свои руки. В надежные руки!

Я слушал гром оваций и снова — уже в который раз — думал о том, как много значит толковый руководитель для отстающего колхоза. А. И. Линьков — теперь это можно говорить смело — вывел из отстающих уже два колхоза. Как ни трудно, но делать это, оказывается, можно. Почему же тогда не у всех это получается?

Линьков — мы с ним много говорили на эту тему — ответил так:

— Председатель — должность трудная. Не слышно что-то, чтобы на нее много заявлений лежало... Тут надо работать, не жалея себя, на совесть. Ну, а совесть — она разная... Направят иного, значит, силой бюро, — едет, конечно. А у самого в душе такое: ладно, сколько поработается... Ну и тянет волынку: где бы, значит, гореть, а он коптит.., подыскивает предлог, чтобы уйти из колхоза. И уходит, конечно. Иногда с выговором, иногда — без, так и не показав колхозникам жены. Такого председателя люди сразу распознают. «Временщик приехал», — говорят о нем.

Настоящего руководителя делает сама жизнь, практика. Поэтому, подбирая председателей, надо смотреть не только в графу «образование», но и учитывать практический опыт работы в колхозе... Если опыта у человека нет, надо дать ему возможность приобрести таковой, послав его на стажировку, например, заместителем при опытном председателе.

Хорошие слова! Ими я и закончу свой рассказ, поскольку они, как и весь очерк, целиком обращены к тем, кому еще предстоит поднять высоко свои «Красные знамена»!

ДОРОГОЙ ЦЕНОЙ

Две баржи с удобрениями, причалившие ночью у деревни Борки, были для председателя колхоза «Восход» Алексея Трофимовича Звонцова как снег на голову. Поначалу он даже растерялся: шутка ли! Восемьдесят тонн фосфоритной муки да суперфосфата! Удобрения, сказать правду, не из дефицитных, и колхоз, в общем-то, столько их и не просил, но... выбирать не приходится: на безрыбьи, как говорится, и рак — рыба, надо выгружать.

Но как?

Позвонил соседям. Директор совхоза ответил, что он причитающиеся ему сорок тонн «выбросит» вручную, председатель колхоза «Заречье» вообще не собирался выгружать, артачился: «Не мое это дело. Сельхозтехники. Выгрузит на берег — как-нибудь увезу».

— Ну, гляди... — ответил ему Звонцов. — Не просчитайся! Останешься последним — будешь платить за простой баржи.

В кабинете председателя, как всегда, людно. Тут и Климов — секретарь парткома колхоза и рядышком бригадиры Журавлев и Петин, и агроном Мо-

розова... Все прислушиваются к телефонному разговору и каждый думает о своем. Бригадир первой Егор Нестерович Журавлев хмурит сильно отросшие брови, закидывает то левую ногу на правую, то правую на левую — догадывается, к чему клонится дело: опять продуманный накануне план работ полетит к черту! Он даже злится, глядя, как, отбрасывая назад голову с прижатой к посеребренному виску черной трубкой, Звонцов хохочет, приговаривая:

— Заплатишь! Я тебе точно говорю! Что? Карман с дырой? Найдешь... Ха-ха-ха!

«Вот черт! — думает Журавлев, любуясь ровными белыми зубами председателя. — Ему ровно и дела нет, что приостановится скирдование соломы, а гли-ко — погодка какая стоит... В полдень припекает — что тебе летом! Скирдовать бы да скирдовать. Ужо, чем коров-то кормить станем? Силоса нет — всего по три тонны на корову... Сгорели ноне силосные, сгорели. Земля-то, вон, и теперь все еще как каменная. Трактористы по пять-шесть лемехов за смену выбрасывают — начисто стираются! Из-за этого и зяби еще много не поднято. Да и рожь не вся посеяна: шестьдесят четыре гектара ждут своей очереди. И это только в первой бригаде!»

Председатель, все еще улыбаясь, положил трубку на рычаг и, как всегда, громко спросил:

— Ну, что голову повесил, кавалерист?

Кавалеристом председатель называл его не случайно: Журавлев всю войну отстукал в кавалерии, три раза был ранен, и сейчас без коня — ни шагу. Стороной Егор Нестерович слышал, что его еще и иначе называют: «Егорий Победоносец!» Слышал, но виду не показывал, что знает. И, хотя ему не-

легко уже взбираться в седло — пятьдесят четыре стукнуло! — а на другой вид транспорта пересаживаться он не собирался... Правда, попытка такая была.

Купил как-то председатель мотоцикл — ижевский, двухцилиндровый. «Давай, Егор Нестерович, осваивай. В космический век бригадой руководишь — и надо скорость передвижения привести в соответствие с веком».

Хотя и мудрено иной раз говорит Звонцов, а, коли до сути докопаться, всегда в точку! В самом деле: в бригаде около двух десятков деревень... Тысяча сто гектаров пашни в обработке... Раньше, если припомнить, три колхоза, а еще раньше — семь колхозов на этой земле размещались! Попробуй, обскачи быстро, когда потребуется, такую бригаду! Даже на лошади.

И Егор Нестерович решил попробовать. Выбрал маршрут подальше от глаз, тронулся. Сильно не газовал и ехал более-менее благополучно: все-таки когда-то и на тракторе и на комбайне работал. Не заметил, как до ручья докатился. А к ручью-то склон... Надо бы на тормоз нажать, а он на газ даванул... Впрочем, об этом он догадался уже потом, когда выжимал штаны на противоположном берегу и, все еще вздрагивая, поглядывал на безжизненно растянувшийся на траве мотоцикл.

На этом и закончилась его возвышенная мечта «привести в соответствие с веком скорость передвижения». Притащил он, как быка за рога, мотоцикл к конторе и сказал председателю: «Не буду... На лошади быстрее». Звонцов, как всегда, заливисто расхохотался и передал машину секретарю парткома Климову: ему тоже скорость необходима.

А Егор Журавлев так и остался «кавалеристом», «Егорием Победоносцем». Был ли похож он на Егория Победоносца — неизвестно, поскольку никто Егория в натуре не видел, но на донского казака смахивал крепко — все видали картину «Тихий Дон». Сходство это подчеркивала не столько его, так сказать, профессиональная кавалерийская посадка в седле — чуть-чуть бочком, подчеркнуто небрежно — сколько черная фуражка с туго натянутым верхом, черным околышем и черным блестящим козырьком, купленная в магазине у речников. Да и обликом Журавлев здорово смахивал на казака: сильно выдающийся с горбинкой нос, большие навыкате глаза, а в общем было в его физиономии что-то ястребиное — посмотришь и скажешь: «Лихим, видать, рубакой был мужик!»

— Приуныл че? — вопросом на вопрос отвечает он председателю. — А то, что не ко времю баржа эта прикатила...

— Ничего, Егор Нестерович! — явно не принимая всерьез того, что говорит бригадир, восклицает Звонцов. — Слушай, что скажу. Завтра с утра — все машины и трактора с тележками к реке!

— Трофимыч! А, може, вручную все-таки? Совхоз же...

— То — совхоз! — резко перебил бригадира Звонцов. — Совхоз может и вручную: деньги, как говорится, глаз не имеют... А мы не можем. Понял?.. — и отвернулся. — А ну, кто там? Кликните сюда механика.

Лужков явился незамедлительно: его «кабинет», завешанный схемами устройств машин, заваленный нужными и ненужными деталями, находился здесь же, в левой половине дома.

— Готовь, Герман Арсентьевич, навесной погрузчик. Утром — к реке: будем выгружать удобрения.

Секретарь парткома обеспокоенно:

— А ведь мы с тобой хотели провести завтра совещание животноводов... Если тебя не будет — нет смысла. Да и доярки без тебя не захотят.

— Отложи, Андрюша. Выгрузим удобрения — тогда... И обязательно «сабантуй» небольшой дояркам устроим. Пусть попляшут... Заслужили. Только вот где?.. Клуб, клуб нужен!

— Может быть, в совхозе? Далеко ли — пятнадцать минут на машинах.

— Добро! — и повернулся, чтобы идти. Но дорогу загородил бригадир второй.

— Трофимыч! Как же мне-то? Столько еще льну не околочено... Может, оставить один трактор? Такая погода! Да и студенты пока не уехали...

— Нет, Петин, нет! Надо вырвать удобрения... Так что — распорядись! А я сейчас к речке подскочу: погляжу, где удобней баржи поставить. — И, сильно нагнувшись, нырнул в широко распахнутую дверь.

Имя председателя колхоза «Восход» Звонцова было широко известно не только в районе, но и в области. Он был чуть ли не последним из тридцатитысячников, прибывших сюда из Москвы и Ленинграда в 1955 году. Колхоз, возглавляемый им, действительно набирал высоту, увеличивал производство продукции. О нем писали в газетах, говорили по радио, а издательство выпустило даже брошюру, автор которой отдал должное — и

справедливо — личным заслугам Звонцова в подъеме «Восхода», дважды укрупнявшегося за счет слабых, доведенных до развала хозяйств.

Бывший старший мастер одного из подмосковных заводов, Звонцов раньше других и острее других понял, что в таких колхозах, как «Восход», где безлюдье действительно-таки удручающее, надо начинать с механизации всех, и в первую очередь наиболее трудоемких работ. Впрочем, понимание неотложности широкой механизации производства было, конечно, и у других председателей, но не каждый так знал и так любил технику, как Звонцов, — и в этом было его преимущество. Именно знание техники, творческое отношение к ее применению и сыграли решающую роль в первых успехах колхоза.

Начал Звонцов с механизации подачи воды на фермы. Не ахти какое мудреное дело — автопоилки, а все равно в помощники взять было некого. Засучив рукава, сам принялся нарезать трубы, обучая одновременно этому делу колхозного кузнеца.

Доильные установки на фермах, а затем, один за другим, два зернотока монтировать было уже легче: к этому времени сформировалась хотя и немногочисленная, но своя монтажная бригада во главе с коммунистом Варзиным. Люди, пришедшие в эту бригаду, волей-неволей становились специалистами, так сказать, широкого профиля. Жизнь выдвигала перед ними все новые и новые задачи. Покончив с зерносушилками, они принимались за проводку электросети и монтаж электрооборудования, а после — к сооружению скирдователя соломы, сконструированного самим председателем, специальной волокуши, с помощью которой стог сена или скирда соломы стали переезжать из поля к ферме цели-

ком, в неразобранном виде. Была придумана волокуша и для растаскивания навозных куч на поле, представляющая собой конструкцию из рельсы и старой тракторной гусеницы.

Простейшие сооружения! А сколько человеческих рук заменили они! Например, скирдователь соломы. На прицепе у трактора «ДТ» косилка Е-0,62, выполняющая здесь роль подборщика соломы (режущий аппарат снят), и скирдообразователь — широкие бревенчатые сани с высокими тесовыми стенами и дном из металлических продольных прутьев. По транспортеру подборщика солома из валков попадает в камеру скирдообразователя. Там двое-трое мужчин с вилами: они солому разравнивают и трамбуют. Готовую скирду трактор оттаскивает на край поля, к дороге. Люди открывают заднюю стенку скирдообразователя, трактор трогается, скирда остается на месте.

Творческая мысль Звонцова не знает покоя. Ему буквально становится не по себе, когда он вдруг увидит, что какую-то работу люди делают, как в старину, вилами, лопатами, ведрами... Он механизировал даже разгрузку навоза и минеральных удобрений из бортовых машин, сконструировав для этой цели легкую бульдозерную навеску на трактор «Беларусь». И теперь шофер, доставив груз в назначенное место, открывает борта, а трактор с навеской одним толчком освобождает кузов.

С самых первых дней колхозники видели своего председателя чаще не в костюмчике и при галстучке сидящим в конторе, а в неизменном брезентовом плаще с гаечным ключом в замасленных руках на ферме, у трактора, в мастерской... По району, а потом и по области о нем прошла слава как о ру-

ководителе, который действительно широко внедряет механизацию на всех участках производства. В душе Звонцов гордился этой славой и не то чтобы зазнавался, а нет-нет, да, бывало, и скажет мужикам по поводу какого-нибудь дела: «Черта с два у вас что-либо вышло бы без меня!». Верно, в первые годы так оно и было. Но теперь-то... Теперь в колхозе имеются опытные мастера, которые многое могут сделать самостоятельно. Однако, нетерпеливый и горячий по натуре, Звонцов и теперь во все, что касалось машин, вмешивался лично, вникал во всякие мелочи, и механизаторы, если случалась какая-нибудь поломка, шли прямо к нему, и он тут же принимал решение, подчас неверное, поскольку не все знал, что положено знать механику, непосредственно отвечающему за сбережение и ремонт техники.

Во всем этом сказывалась, конечно, привычка — председательствовать-то он начал в ту пору, когда никаких механизаторов в колхозе не числилось, машины находились в руках МТС, и ему волей-неволей все вопросы, связанные с механизацией, приходилось решать самому. Да и не было в этом греха: колхоз был небольшой, и он без особого труда везде успевал сам.

Впрочем, сказывалась не только привычка — сказывалось укоренившееся с тех пор чувство превосходства, и не только в делах, касающихся машин...

Наступала зима — он сам брался за распределение кормов, составление рациона, не замечая, что подменяет тем самым зоотехника, снимает с него ответственность, ставя его в позицию стороннего наблюдателя. В таком же положении, в общем-то,

находилась и агроном Морозова, хотя эта характером была крута, на язык остра и за свои права все-таки боролась.

Бригадиры — а бригад в колхозе три — признавали и побаивались только его, Звонцова. Указания механика, агронома, зоотехника, не подтвержденные «самим», для них ничего не значили и, во всяком случае, не подлежали безусловному и немедленному исполнению. А так как «сам» везде и всюду не успевал — да он и не мог успеть в таком огромном хозяйстве, каким был «Восход»,—неудачи, случавшиеся то в одном, то в другом месте, жестоко били по председательскому самолюбию.

Так было, например, с внедрением беспривязного содержания скота. Обычно расчетливый и предусмотрительный, на этот раз, поддавшись уговорам («Кому-кому, а тебе не к лицу быть консерватором!»), Звонцов, очертя голову, начал строительство огромного типового скотного двора для беспривязного содержания коров с доильной установкой «Елочка».

Пока двор строили, выяснилось, что заготовить и особенно высушить торф для глубокой подстилки практически невозможно, а без подстилки вся эта затея пустой звук и о ней в общем-то никто уже теперь и не вспоминал. Кроме того, для такого типа кормления скота нужно было иметь достаточное количество кормов, а их не было... И пришлось двор перестраивать. Колхоз потерпел убыток. И не малый. А ведь раздавались трезвые голоса: «Потонут коровы в грязи. Да и корму не хватит».

Не прислушался. И отступил... А отступать Звонцов ох как не любил!..

У ПРИСТАНИ Борки в Сухону впадает небольшая речушка Ветла. В устье этой речушки колхоз «Восход» держит небольшой катерок и железное суденышко, прозванное «галошей», поскольку оно действительно похоже на галошу.

Берег Ветлы, затопляемый в половодье, летом обычно сухой и высокий. «Восход», а также примыкающие к нему два колхоза и совхоз каждую осень здесь грузят на баржи скот, продаваемый государству. Здесь же они и выгружают все, что привозят из города: машины, кирпич, концентраты... Мучаются, конечно. Никакого причала нет, а баржи к берегу близко не подходят. Надо бы причал построить, да кто будет строить? Свои плотники перевелись, а коли «волки» владимирские забредут — других неотложных работ хватает. И хотя «волки» рвут втридорога, а все-таки в прошлую зиму какой-никакой клубишко собрали, да еще и овчарник поставили. Вот райпромкомбинат рамы сделает, и можно будет в клуб вселяться...

Глянув на баржи, Звонцов понял, что и их для разгрузки придется ввести в Ветлу. На «галошу», соорудив на ней настил, можно загнать «Беларусь» с навесным погрузчиком, и если «галоша» встанет между баржой и берегом, работать будет можно.

...Утром следующего дня к устью Ветлы двинулись автомашины, покатились трактора с прицепными тележками. Туда же, с лопатами, топорами, поехали все мужики. Деревни опустели. Только у церкви с разваленной колокольней и двумя из пяти куполов, под которыми размещалась мастерская («Восход» купил ее вместе со всеми станками у МТС), возле трактора «Беларусь» с навешенным погрузчиком все еще толклись тракторист Саша Яб-

локов, механик Лужков, секретарь парткома Климов, сам Звонцов и его шофер. Яблоков уже трижды заводил мотор, двигал по очереди всеми шестью рычагами управления погрузчиком, но никаких признаков жизни последний не обнаруживал. Определить причину было не так-то просто: погрузчик чуть ли не два года стоял вот тут, под открытым небом, и был, как привыкли говорить сами механизаторы, основательно «раскулачен». Самый главный механизм его — распределитель — и тот был снят. Теперь его нашли и вернули на прежнее место, но... в нем-то как раз и была, видимо, «зарыта собака».

«А впрочем, кто его знает!» — ломая голову в догадках, думал Звонцов. Еще не веря в то, что погрузчик закапризничал всерьез, он поначалу только наблюдал за усилиями механика, давая кое-какие советы, но потом, выругавшись, сбросил плащ и принялся орудовать гаечным ключом.

Стрелки часов двигались неимоверно быстро. Двенадцать... Час! Два!!.

От баржи прибыли двое нарочных:

— Трофимыч, дак что делать? Будет погрузчик, али нет?

— Будет. Кровь из носу, а будет! — вытирая лоб тыльной стороной ладони, с ноткой отчаяния ответил Звонцов. — Делайте пока настил для трактора.

Потом, постояв с минуту в раздумьи, схватил пригоршню опилок — рядом была установлена пилорама, — вытер масляные руки, стремительно двинулся в контору. Решил позвонить в отделение «Сельхозтехники»: не найдется ли там распределителя? Но не тут-то было! Чуркин не отвечал. «Девушки, милые! — просил он телефонисток. — Подскажите, где он может быть? На складе? А ну, да-

вайте склад. И склад не отвечает? О, черт бы их побрал! — Бросил трубку. — Все равно найду! Из-под земли достану!»

Выбежал на крыльцо.

— Женя! — крикнул шофера. — Поехали!

— Куда?

— В «Сельхозтехнику».

— Да ведь суббота сегодня, Алексей Трофимович!

— Ну и что?

— Как что? За грибами все ушли, наверняка: короткий день!

— Какой еще там «короткий» день... Уборка в разгаре. Поехали!

Вернулись они уже ночью. Чуркин и в самом деле ездил за грибами. Завскладом — тоже. Пришлось ждать. Распределителя свободного не оказалось: откуда-то сняли...

Утром, в воскресенье, опять все собрались у погрузчика. Быстренько сняли свой распределитель, поставили привезенный. Звонцов в приподнятом настроении рассказывал Климову, кивая на распределитель.

— Не хотели, черти, снимать. Чуркина, как девушку, целый час уговаривал. — Председатель верил, что теперь погрузчик наверняка наладится. И, как вчера, сегодня снова отдал распоряжение держать наготове и людей и машины.

Саша завел трактор, шевельнул рычаг, второй... пятый... Стрела чуть-чуть расправилась и замерла. Тронул еще рычаг — на столько же ровно сжалась.

Звонцов, еще не веря своим глазам, подскочил к рычагам, судорожно начал их дергать сам. Но результат был тот же...

— Живой, а не шевелится, — сказал кто-то. Народу вокруг собралось много: сегодня к реке отправляться никто не спешил. И, пожалуй, благоразумно. Саше Яблокову и механику Лужкову пришлось начать все сначала.

Только к вечеру они установили, что в корпусе привезенного распределителя нехватает пустяка — маленького поршенька. Нужно было попытаться выточить его. Но, во-первых, нет образца, а во-вторых, уже и стемнело. Решили оставить до завтра.

У КРЫЛЕЧКА конторы, прибитые спинками к штакетнику палисада, стоят две скамейки. На вид им не год, конечно, и не два, но и не больше, чем самому дому — двухэтажному, опушенному тесом, принадлежавшему одному справному мужику, высланному куда-то в тридцатом году. В колхозе, пожалуй, не найдется теперь человека, который не сиживал бы хоть раз на одной из этих скамеек — то ли в ожидании председателя, то ли в перерыве заседания правления, то ли перед началом партсобрания — партком занимал верхний этаж.

Чаще занятыми скамейки бывают, конечно, по утрам. Утро — дню начало. А каков будет день — ведреным али дождливым — только утром можно увидеть и, в зависимости от этого, решить или перерешить, кому и чем следует заняться. И у мужиков, особенно первой бригады, стало привычкой с утра, прежде чем начать дело, привернуть к конторе и выкурить на скамейке одну-две самокрутки.

Каких только разговоров, откровений, жарких споров не слышали эти скамейки! Вот и сегодня ни на которой из них нет даже краешка незанятого,

где там! Многие даже стоят, подперев плечом палисадник, на котором сейчас развешены авоськи с завернутой в газетки снедью, хозяйственные сумки и даже один ученический портфель, перевязанный веревочкой. Курят большинство махорку. А коли кто-то достанет сигареты — к пачке протягивается сразу до десятка рук. После махорки они, как трава, баловство одно... Но, раз угощают, почему не взять.

Разговор все о том же: о неисправном погрузчике, о пропавших ни за грош-копейку двух днях. Тракторист Саша Яблоков, оправдываясь перед мужиками, хотя те и не винят его, говорит:

— Работал погрузчик... Хорошо работал! Вы и сами помните. Бывало, скажут: бурт силосный закрыть... Так я за полчаса его навешивал, и ехал, и закрывал бурт. А теперь...

Яблокова перебивает шофер Мотков; отрубая каждое слово взмахом руки, кричит:

— Погрузчик работал бы и теперь, и никто бы его не раскулачил, если бы он был прибран!

— А куда?

— На кудыкину гору... Гараж вон стоит — почему удобрениями загадили? А сколько овинов было?! Больше, чем домов! Где они?

— Полно! Овины... — горячо возражает шоферу единственная сейчас среди мужчин Вера Степина — заведующая складом горючего и запчастей. — Да от вас, чтобы уберечь, не овины нужны, а замки пудовые да еще и решетки железные! Вон, Вася Сударкин да еще Алеша Нелаев, мимо не пройдут, чтобы не стащить с машины чего-нибудь.

Дружно захохотали: «ловкость рук» этих шоферов была всем известна.

— Да, что верно — то верно. Уж коли Сударкин возле машины стоял, гляди: что-нибудь да взял. Взаимообразно, конечно... Без отдачи!

Сударкин — чудаковатый мужик, настроенный равнодушно, отшучивается:

— Вот дьяволы, вот дьяволы... Навалились-то как на меня! А при чем тут я? Были бы запасные части на складе, разве бы взял?..

— Видите? Сударкин смеется! — опять решительно вмешался шофер Мотков. — А вот бы взять да взыскать с него — тогда бы не до смеху было! Я попадусь — взыскивайте и с меня! На полную катушку! Честное слово, не обижусь. Но и брать больше не стану. А то как бывает? Сломалось что-нибудь в машине, говорят: ищи! А где найдешь? Берешь с другой машины. Так ведь тебя не только не спросят, где взял, не только не выругают, а наоборот, по плечу похлопают: «Вот молодец! Нашел!» — И, оглянувшись, добавил: — А с погрузчиком как было?..

Председатель в это время вышел из мастерской вместе с бригадиром монтажников Варзиным. В другой раз он обязательно подошел бы, услышав шумный разговор в «курилке», но сейчас ему было не до «трепотни», как он иногда выражался. Едва включили токарный станок, чтобы попробовать выточить недостающий в распределителе поршенек, в сети произошло замыкание. Колхоз с месяц как подключился к государственной линии и, видимо, не все еще устоялось, притерлось.

Глянув, как Звонцов с Варзиным мечутся в поисках повреждения, Вася Сударкин сказал:

— Интересно, сколько за простой баржи придется платить? Не мало, поди-ка...

Об этом теперь думали все. И хотя шофер Мотков с деланным безразличием заявил, что его лично это нисколько не беспокоит, так как в общем-то ничего не изменится: в одном кармане убавится, в другом прибавится, а ему, что положено — все равно отдадут, было заметно, что никто всерьез слов его не принял...

— А совхоз уже выгрузил свою долю. Вручную, — сказал многозначительно Журавлев.

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ позвали к телефону. Угрюмый, больше обычного ссутулившийся, он крупно прогромыхал огромными сапожищами между двух скамеек и, ни на кого не глянув, вошел в контору. Кассирша вскочила с места, предлагая ему стул, — не сел. Взял трубку, опустился на корточки, спиной к стене.

— Слушаю... — сказал устало.

От дверей, обрадовавшись, что дождалась-таки, прошла и села на стул, освобожденный для председателя, бабка Елена Заботина. Все женщины, а их за столами сидело трое: счетовод, кассир, экономист (бухгалтерша была в отпуске) улыбнулись, так как знали характер бабки Елены. Уж если она что задумает — не отступится, не сробеет ни перед кем. Елена Алексеевна всю жизнь работала, работала на совесть и цену себе знала! Все председатели боялись в свое время Елены Заботиной и отдавали должное острому, как нож, ее правдивому языку.

Сейчас Заботиной шел семьдесят второй год. И хотя она еще понемногу работала, теребила да расстилала лен, и в хлебе насущном нужды не испытывала, а о будущем все-таки тревожилась: мол,

вдруг да совсем занеможется! Ведь годы-то быстро идут...

Она своими ушами слышала постановление о пенсиях и с тех пор спать ложилась и вставала с одной мыслью: а какую дадут пенсию ей?

— Вишь ты, по заработку за последние пятнадцать годов назначать будут, — делилась она своей тревогой с другими старушками. — А как их теперь, эти заработки узнаешь? Столько раз колхоз укрупнялся — бумаг-то прежних и днем с огнем топереча не сыщешь... Да и найдешь, так что толку? Велики ли заработки были? Не то, что топереча.

И все же справкой о прежней своей работе Елена Заботина решила обзавестись. Пришла она недавно к старику Агапитову — бывшему счетоводу еще того, маленького колхоза и, как тот не оборонялся, заставила-таки его взять перо в руки. Поскольку и раньше счетовод со смыслом писал только цифры, одни цифры, пришлось верховодить самой. Она говорила, а Агапитов записывал.

Вышло следующее:

«Справка для пенсии Заботиной Елене Олексеевне в том, что с первых начала дней работала дояркой 14 годов, 3 года конюхом, 4 года телятницей, год овчаркой, по четыре зимы возила навоз, а летом в полеводстве, а остальное тоже в полеводстве и топерь не покидая рук работаю в колхозе. Работала звеньевой.

Агапитов счетовод».

На другой день Елена Заботина уговорила подписаться еще свою сверстницу, бывшую доярку Рачкову — на всякий случай — ведь одной подписи, может, и мало будет...

Теперь справка бабке Елене нравилась. Главное, подписи были надежные: и Агапитов, и Рачкова хорошо знали и помнили всю ее жизнь. Но кто-то ей сказал, что справка эта, пока на ней нет круглой печати, полной силы не имеет. Вот Елена Алексеевна и пришла в контору попросить председателя поставить на справку круглую печать.

— Да, да! — кричал в трубку Звонцов. — Делаем... Не получится — на прямую придется соединить. Черт с ним! Операции раздельно будет производить — и только. Что? Если успеем, сегодня начнем...

Бабка совсем не понимает, о чем говорит председатель, да и не пытается понять. Она про свое толкует:

— Первой дояркой по району была... В газетах заметки печатали. На совещаниях рядом с секлетарем не три ли раза сидела, вниз по реке, почитай, во все колхозы ездила, других учила... Теперь-то нешто на дворе работать — все подвезут. А тогда? И корм, и воду, и навоз — все вот этими. — Бабка показала скрюченные, узловатые пальцы. — Ой, поворочали да потаскали!.. И ноне пятьдесят четыре сотки льну выдергала, да шестьдесят разостлала, да околачивать помогала. А ведь у меня вторая группа... Вот гляньте-ко, милые. — Она отворачивает полу старомодного, неопределенного цвета пальто и показывает на выпирающий живот: — Грыжа. Семнадцать годов картошки не едала. И охота — вот как охота, а как только хоть едну картошину съем — так и капут... Трофимыч! Ты постой, постой. — Взяла за полу пиджака поднявшегося было председателя. — Ведь я тебя жду-то. Убежишь — скоро ли опять тебя увидишь... Вот, почитай-ко, ми-

лой. — И подала справку. И все глядела из-под нависших век на председателя, пока тот не кончил читать.

— Поставь, милой, печатку. Четыре версты старуха топала... Поставь!

Звонцов улыбнулся, как улыбаются наивности ребенка, сказал:

— Бабушка! Да не нужна пока эта справка. До первого января пенсии все равно не получите. Подождите немножко: будет создана комиссия, она и решит.

— Комиссия — это потом... А ты сейчас, батюшко, поставь... — И со слезами в голосе: — Вон, приехали из Ленинграда Анна да Овдокия. Как барони, за ягодками да за рыжичками похаживают. Пойдемте, кричу им, лен стлать! А они только ручкой махнут. «Полно тебе, Елена, полно убиваться-то! — скажут. — Все одно пенсия однакая будет, что нам, что тебе». Нет, милые! Вы в Ленинграде по пять годов прогуляли, а я все в колхозе работала. Это разве одинаково? У меня на войне два сына убитые, мне не к кому в Ленинград ехать... Давай, Трофимыч, поставь печать-то...

— Бабушка, я еще раз говорю вам: не нужна эта справка! Да и печать не для того, чтобы шлепать ее на всякую филькину грамоту.

— Эт-то как же, батюшко, — «филькину грамоту»?! — выпрямилась Заботина. — Да ведь тут вся моя жизнь написана, ни единого слова неправильного нету! Да коли надо, вся деревня под справкой подпишется!

— Ну, хорошо, хорошо... — поняв, что выразился неосторожнс, сдался Звонцов. — Девушки, перепишите справку. Пусть бабушка успокоится.

— И печать поставишь?

— Поставлю...

— Ну и ладно, батюшко. А далеко ли ты побежал-то?

— Не обману, бабушка, не беспокойся.

ОКОЛО полудня погрузчик, наконец, ожил. Правда, подъем и поворот стрелы он производил раздельно, но и тем уже все были довольны. Саша Яблоков сделал пробу, подняв пять-шесть ковшей опилок в бортовую машину. Получалось неплохо, хотя не было необходимой плавности: рывок кверху, рывок в сторону... Звонцов от радости — сам не свой. По его распоряжению снова все машины, все тракторы с тележками покатились к реке.

Пошел туда, наконец, и погрузчик.

Пять километров — не велико расстояние. Тем более, что дождей давно не выпадало — нет худа без добра! — и дорога была вполне проезжей, хотя и ухабистой. Через час на берегу Ветлы было шумно и людно. Звонцов, балансируя по бревнышку, перекинутому с берега на борт катера, пробрался в рубку, завел мотор и бортом причалил к «галоше». Ловко маневрируя, развернул ее поперек реки, кормой к берегу, потом выскочил из рубки и бросил чалку. Перекинув с кормы на берег два бревенчатых трапа, принялся стучать топором, вбивая огромные гвозди в доски настила. «Беларусь» с погрузчиком должен был въехать на настил задом. Звонцов, держа ладонь ребром перед носом, командовал Саше: «Прямо... Стоп! Чуть влево! Хорошо... Стоп! Так...» Он волновался: малейший просчет — и трактор полетит за борт.

Однако все обошлось благополучно: трактор стал точно по центру, а плиты опор погрузчика легли как раз на борта.

Теперь «галошу» надо было поставить вдоль берега, а к ней вплотную подогнать баржу с удобрением. Звонцов снова в рубке катера. Закончив и это дело, он спрыгивает на берег и подходит к мужикам. Те, от нечего делать, покуривают, лежа животами на земле.

— Дайте закурить, хлопцы! Нет, сигарету не хочу. Махры дайте!

Став на колени, он заворачивает огромную цигарку, а глазами все на баржу стреляет. Сейчас Сашга Яблоков будет пробовать. Послюнявив цигарку, Звонцов резко приказывает шоферу Моткову:

— Подъезжай!

Машина медленно начинает опускаться кузовом к реке. Битый кирпич, заранее набросанный в колеи, мягко исчезает в жидком грунте под тяжестью колес. А машина опускается все ниже и ниже, до самой воды: иначе погрузчик не достанет до кузова. Становится очевидным, что самостоятельно ей, да еще с грузом, обратно не выехать. И Звонцов приказывает стать напротив машины гусеничному трактору с тросом.

Теперь все. Теперь можно начинать. Ковш широко раздвинул зубастые челюсти и опустился в трюм баржи, медленно откусил верхушку вороха и пошел на подъем... И — о ужас! Удобрение, как вода, потекло из ковша. Над баржой, все увеличиваясь, поднялось огромное облако, скрывшее и трактор с погрузчиком, и людей, стоявших на барже и рядом. Тракторист Яблоков, прикрывая нос рукавом фуфайки, какую-то секунду растерянно глядел на эту

картину, потом торопливо передвинул рычаги, и ковш, продолжая терять груз, поплыл над «галошей» к кузову машины. Дойдя до него, резко дернулся, словно стукнулся о невидимую стену, и разжал челюсти. Тотчас вся машина окуталась белесым облаком: удобрение сыпалось через щели кузова. Шофер Мотков, выкрикивая: «Задушит... дьявольщина!», пулей выскочил из кабины. На воде возле «галоши» образовалась плотная пепельно-серая пленка. В кузов попала едва ли половина зачерпнутого груза.

Звонцов, не докурив цигарку, рванулся прямо в белесое облако. «Неужели все напрасно?» — мелькнула мысль.

— А ну, Саша, давай еще. Не бери много. Так... Стряхни чуть. Дай закрыться ковшу. Плотнее!

Саша делал все, что требовал Звонцов, но удобрение продолжало сыпаться. И из ковша, и из кузова.

Глазевшие с берега мужики обменивались репликами:

— Мука! Не даром сказано...

— Не мука́, а му́ка, чтоб ее...

— В мешках бы, что ли, присылали. Ведь и половины не попадет на поле.

— А Сашка-то. Отравится, черт! Ей-бо, отравится.. Эй, как ты там, мельник?

Яблоков в самом деле был похож на мельника. Побелела даже замасленная фуфайка. Он что-то ответил и, хотя никто не расслышал, но каждый понял его и посочувствовал... Но что же было делать? Не отступать же теперь, когда... И Саша продолжал ворочать рычагами, и было похоже, что он стал бы делать это даже тогда, когда бы вокруг была не эта едкая пыль, а дым и пламя.

Удобрение оказалось очень тяжелым. Машину еще и на половину не загрузили, а рессоры выпрямились, кузов осел. Подтащили конец троса, зацепили за передний крюк машины.

— Пошел!

Трос натянулся, как струна, передок машины буквально сел на ось от натяжения, а сама машина с места не трогалась. Трактор натужился что было сил. Казалось, сейчас он раздернет машину на две части. Но нет, та, наконец, стронулась и вылезла-таки на сухой берег.

Теперь, прежде чем подогнать к погрузчику следующую машину, надо было поправить колею, снова завалить ее битым кирпичом. Первым за это дело взялся Климов — надо же было хоть что-то делать. К нему присоединился шофер и еще двое...

В это время, круто развернувшись, у самой кромки берега остановился «газик». Краешком глаза Звонцов видел, что приехал кто-то из управления — один в зеленом костюме и красных туфлях, другой в светлом плаще и начищенных сапогах, — но сделал вид, что не заметил, и продолжал заниматься своим делом. К реке спустилась вторая машина, и погрузка началась. Двое из управления смотрели, качали головами, то и дело показывая рукой в сторону погрузчика. К Звонцову же не подходили: знали, видимо, каким он бывает в подобных обстоятельствах...

Ковш выбрал яму с краешка трюма, а дальше не доставал. Звонцов схватил лопату, спрыгнул вниз и начал подгребать удобрение к ковшу. Климов — тоже: он неловко чувствовал себя без дела. А мужики все в той же позе — животами вниз — лежали на берегу. Захваченный делом, Звонцов даже не за-

мечал, что крутится-вертится, собственно, он один, ну, еще тракторист, а остальные поглядывают только. Не замечали, кажется, этого и люди, оказавшиеся в роли зрителей: привыкли!

Но вдруг, сообразив, видимо, что он не один, что на берегу люди, Звонцов выпрямился, закричал:

— А ну, хватит загорать! Живо сюда с лопатами!

Один за другим, поругиваясь вполголоса, поднялись четыре человека: лезть в этот кромешный ад явно не хотелось. Но никуда не денешься!

Поначалу работали лопатами. Потом поймали занесенный над трюмом ковш и стали подтаскивать его туда, где он мог зачерпнуть фосфоритку сам. Звонцов стоял рядом, нервничал: понимал, что и это не выход из положения. С трудом нагрузили третью машину и заглушили трактор. Надо было удлинять стрелу. В комплекте на этот случай было метровой длины звено. И Звонцов вместе с трактористом и механиком принялся откручивать трубки маслопроводов. В нем все клокотало, но он сдерживался, хотя это стоило ему огромных усилий.

Зеленый костюм и светлый плащ, смешно балансируя по бревнышку, прошмыгнули на «галошу». Поздоровались, стали что-то советовать, размахивая руками. Не глядя на гостей, Звонцов выдавил:

— Ну, что ж, спасибо, что приехали. Теперь, наверное, дело пойдет... Правда, распределитель нужен...

Климов не стал прислушиваться к разговору. Незаметно отошел в сторону, завел мотоцикл и уехал: оставаться дальше не было смысла.

СЕКРЕТАРЕМ парткома в «Восход» Андрея Николаевича Климова рекомендовал партком управления. Для него лично да и для коммунистов «Восхода» эта рекомендация была полной неожиданностью: он, ветеринар по профессии, работал в двадцати километрах отсюда, специальность свою любил и ни о какой другой никогда не помышлял. Наоборот, он уже четвертый год учился заочно в ветеринарном институте! И потому перейти в «Восход» да еще на такое большое и ответственное дело он решился только после того, как секретарь парткома заверил, что посылает его временно, не более, как на год, пока подыскивает другого.

Семью Климов оставил на месте — не перетаскивать же ее на год, или пусть даже и на два, как положено по уставу, в «Восход». Теперь этот год закачивался, но о возвращении его на прежнюю работу никто в парткоме и не заикался. Да и сам он не напоминал: неудобно было. Слишком мало успел он за этот год: узнавал людей, приобретал опыт... Теперь только и работать! И он работал. Работал, как подсказывала ему совесть: был все время с людьми, среди людей, и этим завоевал их признание. Со Звонцовым он тоже покуда ладил, хотя... могло быть и иначе. Да, могло быть, Но, считаясь с огромным опытом Звонцова, с его авторитетом в районе и области, он в спорных вопросах, как правило, немного погорячась, уступал ему, а говоря прямо, шел у него на поводу... Плохо это, конечно,.. Но как иначе? Ведь Звонцов — не кто-нибудь! И все-таки — Климов чувствовал это нутром — неприятный разговор между ними, пусть один на один, рано или поздно все-таки должен, видимо, состояться.

Думая обо всем этом, он незаметно доехал до полей третьей бригады. Еще издали увидел — слева от дороги работала льнотеребилка. Тракторист гонял машину и вкривь, и вкось, словно озорничал, а не работал. Но стоило подъехать ближе, как все становилось ясным: водитель выбирал. Лен был такой низкий и местами такой необычный, что даже не походил сам на себя — верхушки карликовых стебельков скрючились, завились в разные стороны, словно пламенем их обожгло.

Климов знал: это был участок, площадью около пятнадцати гектаров, наиболее пострадавший от опрыскивания гербицидом...

Четверо пожилых женщин вязали лен в снопы. Увидев секретаря, распрямились, пригласили присесть, предложив ему снопик, и сели напротив сами. Сюда же подошли и тракторист с машинистом льнотеребилки.

— Все-таки решили вытеребить? — спросил Климов.

— Да катаемся, а пожалуй, и зря, — ответил тракторист. — Правда, попадаются островочки вроде бы и ничего, с головками даже, а все равно не то... Стебель, как стеклянный, ломается.

Закурив, продолжил:

— Поздно, видимо, опрыскивали. Особенно этот участок. Ведь посеян он раньше других, числа десятого мая, если не запамятовал, а опрыскивали двадцать пятого июня — вон когда! По инструкции, говорили, лен к этому времени должен быть не выше десяти, самое большое — пятнадцати сантиметров, а у этого, поди-ка и все двадцать пять были.

— А может, крепкий раствор, кто его знает, — сказала одна из женщин.

— Да и сушь стояла такая! — сообщила другая.. — А сколько бы льну тут наросло! Видели, в Клишине какой вымахал? Учетчица там не разрешила опрыскивать: мол, картошка рядом. И правильно сделала: и лен дикой вырос, и картошка цела.

— Да... Вот и угадай! — вздохнул машинист льнотеребилки. — Ведь хотели как лучше, а вышло... В прошлом году лен тоже был хороший, но с сорняками. А в этом, даже в Клищине, сорняков-то и нет. Лето сухое.

— Андрей Николаевич! — обратилась к Климову одна из женщин. — А спишут с нашей бригады этот лен, али не спишут? Ведь опять мы план не выполним. Опять те бригады на сто процентов, а нашу на семьдесят рассчитают... А разве мы виноваты?

Климов ждал этого разговора. В самом деле: бригады на хозрасчете, а лен — основная статья дохода. Люди, конечно не виноваты, что лен у них погублен. Но кто же тогда виноват? Во всяком случае, не зоотехник... Лен, как и все другие культуры, — предмет заботы агронома. Но почему же тогда Звонцов не спросит ответа с Морозовой со всей, присущей ему, строгостью? Была она на месте в тот день, когда самолеты летали, распрыскивая этот самый «декотекс-80» Была! Так куда же она смотрела?

Законный вопрос. Но попробуй с этим «законным», сунься к Морозовой! О-го, такое ответит!

В общем, вывод напрашивался не очень приятный. Особенно теперь, после истории с погрузчиком. Оказывается, распределитель-то с погрузчика был когда-то снят по распоряжению самого Звонцова, без ведома механика... Потому Звонцов и помалкивает: не с кого спросить!

Климов поднялся, сказал, что он лично согласен: списать надо, и что акт на списание составлен — лен погиб не только в третьей бригаде — но решать будет правление. И пошел к мотоциклу, думая, что обо всем этом надо рассказать Звонцову.

НА ЛЬНИЩЕ второй бригады работала льномолотилка. Ее обслуживали несколько колхозниц да с десяток студенток из областного центра. Невдалеке по полю продвигался трактор «ДТ» с санями. Трое стариков складывали на сани снопы. Распоряжался же тут учетчик Еськов — невзрачный мужичишка в пиджачке с протертыми локтями, в коричневом бумажном свитере с высоким воротником, подпирающим давно не бритые обвисшие щеки. В колхозе его знали все, поскольку человек он был видный — с начала коллективизации и до сегодняшнего дня занимал руководящие посты. Правда, хотя он и глядел вверх, ступая по служебной лестнице, а продвигался неотвратимо вниз. Он считал, что ему не везет, а дело было совсем не в везении: просто жизнь шла вперед, а он топтался на месте. И по этой причине скатился от председателя до учетчика. Но и с этой должностью он не ладил. Трудной, ответственной стала эта должность!

Люди теперь работают не за палочку или там полторы, а за рубли и копейки. Проработают день — желают знать, сколько заработали. А считать Еськов не силен — всего две зимы ходил в школу, — писать — тем более: карандаш, как живой, то и дело из руки выскакивает, слова в строчки не помещаются, из-за чего почти каждую приходится сильно

загибать вниз. В конторе же теперь строгий порядок заведен: не сдал заполненные наряды до пятого числа — плати штраф! А как же иначе: ведь выдача зарплаты колхозникам задерживается. И все-таки Еськов, как правило, не успевал к пятому числу, так как записи вел неаккуратно, от случая к случаю. А иногда, бывало, просрочит так, что за получкой и не является, а все равно к руководству не претензии: должность ему всего дороже!

— Что-то, Иван Петрович, многовато у тебя все еще ленку не околочено, — говорит учетчику Климов.

— Так ведь трактор-то на реку был угнан, Андрей Николаевич. Сегодня с трех часов только начали, — возмущенный несправедливой критикой, отвечает Еськов.

— Ну, ну... — заметив это, тянет Климов. — А каков ленок?

— Сам, парень, видишь, каков... Который получше был — возле леса да с краешков — тот уже разостлан. А этот крепко пострадал! Поле-то, вишь, широкое, летали низко... Вчера директор льнозавода приезжал, смотрел. Грит, если хорошо на стлище вылежится, может, номером 0,75 пойдет, а то дак и на паклю. Боюсь и говорить об этом женщинам — разбегутся, — не станут расстилать.

Да, и здесь та же история со льном. Будут говорить: подвела химия! А химия ли? Она всего лишь преподала руководителям колхоза предметный урок: со мною шутить нельзя! Я требую деликатного обращения.

Химические препараты земле, как и порошки человеку, надо преподносить по рецепту да еще и вовремя!

В ПОЛЕ, что примыкает к деревне Засекино — хозяйственному центру колхоза, трактор «Беларусь» таскал туковую сеялку. У края пашни, вдоль дороги, по которой ехал Климов, с промежутками в 20—30 метров грудами были насыпаны удобрения. Здесь разгружались машины, прибывавшие с Ветлы.

Климов остановился. Три женщины — одна лет тридцати, а две значительно старше, опершись на лопаты, стояли у груды фосфоритной муки, ждали, когда трактор с пустой сеялкой вернется с того конца поля. Разговорились. Одна женщина пожаловалась:

— Беда, а не удобрение. Пылит! В глаза, в нос лезет. Голова вся разболелась, ровно в бане угорела.

Другая добавила:

— Ужасть как охмуряет! Нагрузишь сеялку — и хоть падай. Много ли нам надо-то? А и толку, поди, никакого...

Первая не согласилась:

— Да ты что, Кузьмишна. Уж коли привезли, значит пользительное.

Подошел «Беларусь» с сеялкой. Женщины ведром и лопатами стали загружать сеялку. Тракторист спрыгнул на землю, подошел к Климову.

— Ну, как дела идут? — спросил Климов.

— Да плохо, Андрей Николаевич. Сеялка видите какая. Не сеялка, а колымага! С одного конца густо сыплется, а с другого совсем не сыплется. И отрегулировать нельзя: в ящике и земля, и камни, и обрывки мешков бумажных... Да и нормы высева не знаем. Оно вон какое тяжелое, удобрение-то. Да хотя бы и знали норму — весов нет.

— Ведро можно взвесить, — сказал Климов.

— Это верно... Так хоть бы агрономша пришла. А то видите — специалисты... — и показал на работающих женщин.

Климов понимал, что такую работу надо бы приостановить, отремонтировать сеялку, приставить к делу агронома. Но время не ждет. Сейчас сухо, а ночью, может, пойдет дождь: осень все же... И тогда от этих груд только грязные пятна останутся.

От реки подошла еще одна машина с удобрением. Шофер притормозил, крикнул:

— Сегодня больше не будет!

— Как не будет?

— Лопнула стрела погрузчика... — И с улыбкой: — Еще хорошо, что над кузовом, а то бы в реку плюхнулась.

ПОКА отсоединили стрелу погрузчика да пока ее погрузили, стало темнеть. Звонцов подошел к машине, грузно упал в сидение, выдохнув: «Поехали!», и когда машина побежала, а по сторонам смутно и однообразно замелькали кусты, он вдруг почувствовал невероятную усталость. Ехали не проронив ни слова. Напротив конторы шофер чуть притормозил, вопросительно глянув на Звонцова.

— Домой меня, Женя, домой... — проговорил, поняв шофера.

Переступил через порог, сбросил тяжелый плащ, прошел в переднюю и — замертво на диван: ни есть, ни пить не хотелось, хотя целый день во рту не бывало маковой росинки.

Домашние и еще учительница Валентина Сергеевна — его «первый комиссар», первый парторг кол-

хоза, запросто бывавшая в их доме, сидели у телевизора. Супруга поднялась, приглушила звук, сказала, обращаясь к Валентине Сергеевне:

— Ну, вот... И так почти каждый день.

Алексей Трофимович понял, что разговор о нем уже состоялся, и эта фраза подытоживала только сказанное ранее.

Валентина Сергеевна, глянув на его измученный вид, негромко, словно самой себе, сказала:

— Не жалеешь ты себя, Алексей Трофимович... Полыхаешь, как костер на ветру.

Звонцов молчал.

— И вообще, не таким ты стал. Совсем не таким.

Он устало рассмеялся, еще не понимая, к чему клонит учительница:

— Ну, ну... Каким же это я стал?

— Каким? — Она задумалась, подыскивая слова. — А помнишь, как мы с тобой начинали? Ты стариков даже собирал, советовался с ними, в избах бывал... А партийная организация не раз твой отчет о руководстве колхозом ставила. И ты отчитывался, как миленький! А сейчас? Сейчас ты «сам с усам»! С тобой не только в районе, а области считаются. Как же — Звонцов!

Алексей Трофимович тер пальцами нахмуренный лоб, слушал. Когда Валентина Сергеевна замолкла, проговорил:

— Всю жизнь ты режешь мне, Сергеевна, правду в глаза... Ты одна. Остальные льстят.

— А почему льстят? Наверно, потому что боятся. Но не забывай: который льстит, тот первый и обманет, а, может быть, и предаст.

— Тоже верно. А в общем-то, устал я... И нервы сдают.

— То-то и оно! Да и как не устать?! Такой колхозище! А ты, как и в том, маленьком, везде и во все — сам, сам, сам! Ни с кем не считаешься, никому не доверяешь. И горячишься при этом, рубишь иногда с плеча. Сказал тебе тракторист поперек какое-то слово — и ты его с трактора долой! А с дояркой Песковой что получилось? Уехала Пескова, а ведь на нее все равнялись, у нее училась даже Маслова — лучшая теперь доярка.

...Потом, когда уже весь дом спал, Алексей Трофимович, обдумывая все, что сказала ему учительница, вспомнил историю и с дояркой Песковой. Верно, женщина была старательная. Но строптивая! В тот год она не выработала минимума трудодней, поскольку болела, хотя справки о болезни у нее и не было. При окончательном расчете за год правление решило всем дояркам выдать сто процентов зарплаты, а с Песковой удержать полсотни рублей. Секретарь парткома Климов говорил тогда, что зря это, что Пескова — труженица, каких поискать, а Звонцов молчал, и это молчание правленцами, как всегда, было «правильно понято»... Обидели Пескову. Пришла в контору, пригрозила: уеду! И верно: через неделю дом Песковых стоял заколоченным. Вместе с детишками они махнули в Казахстан, на целину.

Формально в этом случае он, Звонцов, был прав: дисциплина одинакова для всех. А если по-человечески?..

О многом передумал Звонцов в эту ночь. За десять лет чего не было! Поседел он за эти десять лет. Начал-то когда — в пятьдесят четвертом! Кому не известно, до чего были доведены иные колхозы к тому времени? Ему, Звонцову, пришлось строить зано-

во все помещения для скота... А эти укрупнения? Особенно последнее, когда присоединился колхоз «Трудовик». Миллион долгов! Ни на одном дворе нету крыши. Семена не засыпаны. Люди на колхоз махнули рукой. Жили целиком за счет личных хозяйств, неимоверно раздутых. Колхозные лошади — и те были розданы, по сути дела, в личное пользование.

Алексею Трофимовичу, когда он вспоминал об этом укрупнении, невольно приходило на ум сравнение: в хорошо и ровно крутившиеся жернова вдруг бросили булыжник, да еще необкатанный, и жернова бешено затрясло — казалось, еще один-два оборота, и они разлетятся на куски! Но жернова не разлетелись. Жернова перемололи и этот камень. Теперь третья бригада — бывший колхоз «Трудовик» почти ни в чем не уступает первой и второй бригадам. А каких это стоило усилий — знает только он! «Даже ты, дорогая Валентина Сергеевна, не знаешь...» — вспомнил он опять разговор с учительницей. «Разве этим нельзя гордиться?» Но другой голос, голос совести, отвечал: «Да, конечно... Но ты можешь и должен сделать значительно больше. Пришло время, когда надо думать уже не только о помещениях для скота, но и о новых домах для колхозников — ведь до сих пор живут в избах, доставшихся от прадедов и дедов, правда, в свое время добротных, опушенных тесом, украшенных резными карнизами, наличниками, но теперь подгнивших, покосившихся в разные стороны... Надо думать и о селении многочисленных деревень в один хозяйственный центр, о строительстве в этом центре хорошего, может быть, кирпичного клуба... А почему бы и не кирпичного! У предков на территории ны-

нешнего «Восхода» был не один, а три огромных кирпичных клуба... то бишь — церкви. Да каких! В одной и сейчас мастерские помещаются, а две другие уже тридцать лет мужики долбят ломами, добывая кирпичи для скотных дворов — и все равно еще от них много осталось! Вот какие хоромины были. И ведь кто строил? Лапотные мужики... Лопата да носилки — вот и вся их механизация. Так неужели мы не сможем построить? Сможем! И должны! Иначе люди, особенно молодежь, все так же будут стремиться уйти из деревни. А без людей — трудно, очень трудно. Кто-кто, а он-то, проработавший столько лет председателем слабого и потому малолюдного колхоза, знал это. Бригадиром некого было поставить! Журавлев и ничего, вроде, мужик, а образование-то всего два класса. Разве достаточно такого образования для бригадира, когда на повестке дня — интенсификация, внедрение в практику самых передовых методов производства с использованием самой новейшей техники и химии! Трудно Журавлеву, а заменить кем — и теперь найдешь не сразу. Вот если бы вернуть в колхоз хотя бы часть ушедших из него людей. А ведь может такое случиться, может! Земля, придет время, позовет, да так, что уже не откликнуться на этот зов душа хлеборобская не сможет...

Не впервой думал обо всем этом Звонцов, не впервой, не щадя своего самолюбия, припоминал промахи и ошибки и, как бы освобождаясь от них, с верой и надеждой заглядывал вперед. «Ну, уж теперь-то должно, обязательно должно получиться!» — С этой мыслью он начинал сев, с этой мыслью глядел на сильные, обещающие всходы: «Будет хлеб! Будет силос! Вырвемся, наконец-то!»

Особенно обнадеживающей была нынешняя весна. Хлеба взошли — гляди да радуйся! И вдруг — нá тебе! — засуха. Засуха на Вологодчине! Вот уж поистине: чем чёрт не шутит... И что же? Силосные — горох, вика, бобы — сгорели. Потом и... лен. Да, и лен.

Алексей Трофимович тяжело вздохнул. О льне даже думать не хотелось. Да и надо спать наконец. Завтра все начинать с начала. Стрелу, конечно, мужики сварят... Хорошо бы и распределитель получить: те, двое, обещали... Уже засыпая вспомнил, как «зеленый костюм» говорил: «Пришлем, Алексей Трофимович, обязательно!» — Это о распределителе. — «И за простой баржи оплатим... Только выгрузи, ради бога!» То-то...

ПО ПРИВЫЧКЕ проснулся в начале шестого. Знобило. Голова была свинцово тяжелой, тело — как не свое. И все-таки встал. Надо было встать: в шесть, как всегда, к телефонам придут бригадиры второй и третьей и будут ждать его звонка, его распоряжений на день. Такой порядок был установлен им самим.

Жена заметила его медлительность, вялость, спросила:

— Тебе нездоровится?

— Да, немного... Продуло, наверно, на реке. — Про себя же подумал: «А, может, фосфоритки чертовой наглотался».

Выпил крепкого чаю. От еды отказался: «Потом».

Накоротке переговорил с бригадирами: велел заниматься своими делами, потому что едва ли удаст

ся быстро сварить стрелу погрузчика да и распределитель еще неизвестно когда доставят...

Накинул зеленый плащ, вышел. Утро было погожее, но уже по-осеннему знобкое. В пустых проемах колокольни, беспорядочно перелетая, по-ребячьи звонко кричали молодые галки. К правлению только что подъехал Журавлев. Увидев председателя, спешился, привязал лошадь к палисаднику.

Поздоровались.

— Ну, какие у тебя дела, рассказывай.

Дел у Журавлева было много. Он бойко перечислял их, радуясь в душе тому, что погрузчик опять сломался и, значит, есть возможность распорядиться людьми по своему усмотрению: продолжить подъем зяби и скирдование соломы, начать ремонт печей и полов на скотных дворах... Надо было также перевезти из дальней деревни семью доярки Морошкиной, недавно приехавшую из города Шахты. Муж ее, здешний родом, получил там, в забое, увечье и теперь лежал на больничной койке в городе, а она с тремя маленькими ребятишками жила у бабки — матери мужа.

Изба у бабки старая, но жить в ней все же можно, да ферма далеко, четыре с лишним километра. Егор Журавлев дал ей смирного мерина: мол, пока дом подыскиваем...

Домов нежилых в Засекино хватало, но в какой ни зайди — и крыша прохудилась, и печь надо ремонтировать. Да и о цене списаться с хозяевами — тоже надо время: иных черт те куда занесло!

Звонцов знал, конечно, о доярке Морошкиной, он и сам обещал перевезти ее с ребятишками в Засекино, и, видимо, уже что-то предпринял бы, когда б не эта морока с удобрениями.

— Покажи ей дом, что «волки» зимой перебирали, — сказал бригадиру.

— Так ведь рам нету, в доме-то...

— Ах да — рамы...

Они подошли к крыльцу конторы и сели на скамейку. Впервые за последний месяц, пожалуй, он никуда не спешил, впервые мог сесть вот так и закурить. И он закурил, закинув ногу на ногу и опершись локтем на колено. Сигарету он держал тремя пальцами, огоньком внутрь ладони — старая фронтовая привычка — затягивался часто, но не глубоко: думал.

Подошел и поздоровался за руки Эдя Самофалов — участковый уполномоченный, прямой и высокий, как кол, в фуражке, сдвинутой на правую бровь, и с неизменным планшетом через плечо. У Эди всегда были хорошие папиросы, потому что все продавцы в округе дорожили его расположением. При хорошем настроении Эдя любил тряхнуть пачкой ленинградского «Беломора». Сейчас настроение было, и он, присев, далеко вытянул ногу и достал из «бутылки» галифе недавно начатую пачку.

— Прошу.

Журавлев не отказался:

— Давай... Все одно — кашель.

Прикурили. И Эдя, словно так, между прочим, сказал:

— Оформил вчера сено у директора маслозавода!

— Ну? И как она?

— Да так, ничего... — Эдя щелчком стряхнул пепел с папироски. Незаконно, говорю, Павловна. На колхозной, говорю, земле... Ой, говорит, меня и дома не было. Без меня, говорит, и накосили и при-

везли... Х-хе! — и расхохотался, показав два длинных передних зуба. — Сегодня еще у двоих надо будет оформить.

Егор Журавлев перебил участкового:

— Да, Трофимыч... телят когда будут закупать, не слыхал? Сена-то и у колхозников не густо. Отдать бы поскорее, пока не отощали да и ладно. Все спрашивают, не знаю, что и говорить.

— Узнавал. Все загружено...

На мотоцикле подъехал Климов — секретарь парткома — как всегда, в резиновых бродНях, в черной фуфайке с воротником, из-под которой виднелась овчинная безрукавка: ездил Климов быстро и, если в пиджаке, — пронизывало насквозь. Поздоровался, достал из кармана согнутую вдоль тетрадь и подошел к «Доске показателей», что на двух столбах, врытых в землю, красовалась слева от крыльца. Пошарил в другом кармане — достал мелок. С минуту изучал записи в тетради, сделанные, наверное, вчера, и, привстав на цыпочки, написал: «Разослано льна».

Эдя Самофалов, глядя на «Доску», сказал:

— Ох, Николаевич, схлопочешь ты себе двойку по русскому, если так относиться будешь! — Эдя знал, что Климов учится заочно в ветеринарном институте. — Гляди, что написал-то: ра-зо-сла-но... Куда разослано? Х-хе! — и рассмеялся с чувством превосходства.

— Фу ты, чёрт! — сообразил Климов и стер ладонью написанное. Вывел «разостлано» и сказал: — Русский-то еще ничего — можно выучить. А вот немецкий!.. В тридцать-то семь годов... А сдавать надо. Вызубрил я как-то, значит, и текст немецкий и перевод. Пошел. Взял учебник, читаю, без запинки

перевожу. Немка удивлена. «Ну-ка, говорит, переведите вот эту фразу». — И тычет пальцем в учебник. А я и на этот случай готов. Перевел! Вижу, глаза у нее округлились, лицо вытянулось: такого пациента она, может, еще и не видала! Перевернула страницу и опять пальцем: р-раз! «Прочитайте!» Тут-то у меня язык и отнялся. Поняла, конечно. Поскучнела... Обыкновенной стала. Все же тройку поставил. До сих пор благодарю!

— Мудреный язык, — понимающе согласился Егор Журавлев. — По-нашему: руки вверх!, а по-ихнему: хенды хох! — И засмеялся: — Совсем не похоже. Я, пожалуй, только это и запомнил, а ведь до Берлина доскакал!

Звонцов встал, направился к мастерской: решил посмотреть, как там будут стрелу сваривать.

...Часа в три его позвали к телефону. Звонил секретарь парткома, спрашивал, когда будут выгружены удобрения. «Дошло и до секретаря, — подумал Звонцов. — Да и не диво: четвертый день, как начали, а баржи все еще стоят с полными трюмами».

— Как Сельхозтехника? Помогает? — спросил секретарь.

— Хорошо... — с иронией ответил Звонцов. — Сегодня, наконец, новый распределитель дали. Раньше его «не было». Поняли, видно, что за простой баржи придется платить им, а не колхозам.

Звонцов был зол на Сельхозтехнику, особенно после истории с ремонтом самосвала и трактора. Самосвал, единственный в колхозе, ремонтировался там год и четыре дня, причем за это время был утерян кузов — помятый, полузасыпанный землей, он оказался в куче хлама, и пришлось дойти аж до

областного начальства, чтобы заставить мастерскую все же восстановить кузов. Впрочем, самосвалу нехватало не только кузова, в чем механик колхоза и убедился, как только вывел его за ворота.

Имея в виду эти и другие факты, на одном совещании в области Звонцов сказал:

— Наше отделение Сельхозтехники хорошо решает две задачи: как можно больше сорвать денег с колхозов за разные услуги и сбыть колхозам всю технику, что поступила на склады, не считаясь с тем, нужна или не нужна эта техника колхозам.

Секретарь знал взаимоотношения Звонцова с управляющим отделением Сельхозтехники и не удивился, когда услышал в трубку такие слова:

— А что Чуркину спешить? То, что удобрения эти колхозам влетят в копеечку, его совершенно не касается. Он свою зарплату все равно получит. А вот если бы эта зарплата была поставлена в зависимость от себестоимости продукции в обслуживаемых колхозах, тогда бы он крутился, как белка в колесе!

— Злой ты сегодня, Алексей Трофимыч, ох, злой! — ответил секретарь. — Устал, понимаю. Давай-ка заканчивай с удобрениями да бери отпуск. Не бойся: небо на землю не рухнет, если тебя с месяц не будет. В общем, на днях приеду — решим...

— Что ж, приезжайте...

А УСТАЛОСТЬ не проходила. Надо бы пойти домой и лечь, хотя бы на час, и он уже собрался, было, но в контору ворвался Женя — шофер.

— Алексей Трофимович! Наладили погрузчик! Работает — в-во! Я только что оттуда...

Звонцов резко поднялся. Усталость как рукой сняло. Вынул сигарету, прикурил, сказал:

— Поехали!

Погрузчик и в самом деле работал теперь исправно. Правда, фосфоритка из ковша текла попрежнему, но с берега дул ветер, и дышать было легче, потому что пыль относило в сторону.

Одна за другой, поднимаясь с помощью буксира на берег, груженые машины уходили в сторону Засекино. А день, между тем, угасал. Скоро стемнело совсем, и работу пришлось приостановить.

Наутро снова весь колхозный транспорт был брошен к реке. И на этот раз не напрасно. Погрузчик старался вовсю. В трюмах заметно убывало, хотя и не так быстро, как хотел, как рассчитывал Звонцов. Ведь шел пятый день, как «все это» началось. И он больше всего на свете сейчас жаждал одного: закончить выгрузку сегодня! И потому не уезжал от реки, все приглядываясь да прислушиваясь к работе погрузчика: только бы не остановился, только бы...

Но погрузчик, конечно, останавливался. И потому дня — пятого дня — тоже нехватило и заканчивать пришлось в темноте, осветив баржу фарами.

ЗВОНЦОВ чувствовал себя победителем. Голос его звенел, движения снова были уверены и размашисты, словно и не знал он этих пяти дней сплошной нервотрепки. Расхаживая утром по кабинету, рассказывал Климову:

— Кончили вчера, Андрюша! Кончили! Уже в темноте, с фарами, а все-таки кончили! Теперь давай — собирай доярок! Эпопея завершена.

— Слушай, Трофимыч... А ты очень доволен этой «эпопеей»? По-честному, положа руку на сердце, — доволен?

Звонцов погасил улыбку. С минуту молчал, нацелив прищуренные глаза на Климова. Потом негромко проговорил:

— Ты что имеещь в виду?

— Что я имею в виду, я скажу... Прежде я хотел бы знать, научила тебя чему-нибудь эта «эпопея», или...

— Брось, Андрей! — резко перебил его Звонцов. И, сбавив тон, повторил: — Брось, прошу тебя... Не порти мне настроение.

— Извини, конечно, если... Но мне бы хотелось все же кое-что тебе сказать... Не кажется ли тебе, что история с погрузчиком не случайность, а некая закономерность? И тебе стоит над ней подумать! Неудача со льном — тоже...

— Решил меня поучить? — с ноткой пренебрежения и еще обиды спросил Звонцов. — Ну, давай, давай...

— Да ты не сердись, Трофимыч... Ведь я же добра тебе хочу. Спорь, не соглашайся, но не сердись! Я вот что хочу сказать-то... Вчера, значит, подошел ко мне один из членов бюро... ну, Валентина Сергеевна, учительница. Разговор о тебе завела. Мол, надо помочь Звонцову... Почему бы, дескать, не послушать его, как коммуниста, как руководителя на бюро? Не ради проработки, нет... Просто и тебе и всем нам кое в чем надо разобраться. Я считаю, дельное предложение. Пусть народ выскажется.

Звонцов молча глядел в окно. У крыльца, на скамейках, как всегда, было много народу. Напротив крыльца стоял «газик» председателя соседнего

колхоза «Заречье». Сам председатель, заметно подвыпивший, засунув руки в карманы галифе, стоял лицом к сидевшим на скамейках мужикам и шумно уговаривал Сашу Яблокова выгрузить из баржи и зареченскую долю удобрений. А Саша ломался:

— Не буду. Я и так наглотался этой химии...

— Да ты говори прямо, сколько хочешь? — наступал председатель.

— Сколько... Звонцов тоже так говорил: «Ну, Саша, выгрузишь сегодня — ничего не пожалею! Вином самым лучшим досыта напою!» А и не напоил, обманул! — настроившись на шутливый тон подвыпившего председателя, ответил Саша.

— Да ведь я-то не обману! — народ грохнул: видно было, что он не обманет. — Неужели ты мне не веришь? Хочешь, сейчас поднесу? — Председатель рванулся к «газику», открыл дверцу и извлек откуда-то бутылку, уже наполовину распитую. — Ну, хочешь? Говори!

Мужики ржали:

— А, может, нас угостишь?

Саша смущенно отказывался:

— Да нет, не надо... Я пошутил.

— Ах, пошутил... Тогда давай, поехали. Не обижу, едрена корень! Все в наших руках: можно так, можно этак... Верно?

Звонцов, кивнув в сторону крыльца, сказал:

— Может быть, такое «руководство» тебе нравится?

— Нет, такое «руководство» — совсем негодное! Такое «руководство» надо бить! И крепко!

Звонцов вдруг весело рассмеялся:

— Ух ты, гроза! А я и не знал...